

НИКОЛАЙ ЧЕПУРИН

Наследие бога ВОЙНЫ

КНИГА 2. ВЗГЛЯД ИЗ ПРОШЛОГО

Николай Чепурин
Взгляд из прошлого
Серия «Наследие бога войны», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20098418

ISBN 9785448307232

Аннотация

Древняя цивилизация прамарсиан столкнулась с Великой Угрозой, вызванной освобождением первого демона ада. Однако ученик Великого Небесного Света смог победить зло и разрушить планы врага, но эпоха прамарсиан закончилась, уступая место их эволюционным потомкам... Застывшая Тьма – воплощение воли Хозяина Преисподней – по приказу своего господина проводит ритуал вызова демона из Глубин Ужаса. Для этого она принимает облик одной из местных жительниц и под ее именем вершит свои злодеяния...

Содержание

Часть первая	6
Пролог	6
Глава 1	20
Глава 2	47
Глава 3	76
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Наследие бога войны

Книга 2. Взгляд

из прошлого

Николай Чепурин

*Молчаливые дети в хрустальном аду,
У своих грёз и песен бредут в поводу.
Одинок и слепы, смертельно больны,
Никому не подвластны, лишь ночи верны*

*В прошлом остались золотые года.
Прощай, моё солнце, прощай навсегда.
Серебряных нитей сплетается сеть,
Моей птице-душе из неё не взлететь*

*И идут эти дети тропой без конца,
И у каждого рана на месте лица.
Они молча подходят к закрытым вратам,
Словно тени, ступая по жёлтым цветам*

*В прошлом остались золотые года.
Прощай, моё солнце, прощай навсегда.
Серебряных нитей сплетается сеть,
Моей птице-душе из неё не взлететь*

Infelicissimum genus infortunii est fuisse felicem
Michael Draw (Otto Dix «Прошлое»)

© Николай Чепурин, 2016

ISBN 978-5-4483-0723-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Сапирмут

Пролог

*Тот, чьё лицо не лучится светом, никогда
не станет звездой*

Уильям Блейк

В самом начале Мироздание имело одну форму, форму Вечности, сокрытую от всего остального, и в ней царил Изначальная Пустота. В Вечности же находились и Небеса. Там жили Всевышний, Великий Небесный Свет и его ангелы.

Долгое время Всевышний смотрел на Изначальную Пустоту, совершенно безграничную. Унылым и безжизненным казалось все вокруг...

Но наступил момент, когда ему надоело лишённое содержания пространство, и изгнал он Изначальную Пустоту в Сокрытую Грань – вторую форму Мироздания, специально созданную для этого. А на месте Пустоты сотворил Всевышний Вселенную – огромный мир, полный живых существ, ставшую третьей формой Мироздания.

Поскольку Вселенная создавалась в едином замысле, то многие ее элементы были весьма схожи, и живые существа,

обитавшие там, развивались в одном направлении с разницей только во времени.

Великий Небесный Свет был отправлен во Вселенную, чтобы прославлять Свободу, Мудрость, Справедливость, Правду, Надежду, Веру, Любовь...

Но...

Однажды случилась так, что зависть и злость зародились в сердце Сатаны – любимого и приближенного ангела Всевышнего. И поднял Сатана бунт против Всевышнего, в результате которого он был низвергнут с Небес и, прозвали его Дьяволом – Падшим Ангелом.

Сатана сотворил свой мир, названный Потусторонним, ставший четвертой частью Мироздания. Этот мир он наполнил злом и ужасом, непроглядной тьмой и вечными страданиями, а в самом его центре создал Преисподнюю и стал зваться ее Хозяином.

Доподлинно неизвестно, как он звался при жизни, но жизнь его, превратившаяся в сплошной кошмар, изрядно истремила своего хозяина, сломала и разрушила всё, так что в итоге он утратил какие-либо четкие черты или особенности. И стало совсем невозможно определить, кем он был раньше, поэтому все, с кем он встречался на своем пути, обращались к нему просто: «Существо».

Однажды Существо повстречался мужчина. Высокий, на вид средних лет, светлые длинные волосы зачесаны наверх и убраны сзади в конский хвост. Одет незнакомец был не то в мантию, не то в халат красного цвета.

– Что же должно случиться с живым созданием, чтобы оно опустилось до такого состояния? – спросил незнакомец, пристально разглядывая Существо.

Несчастны поднял свою бесформенно-размытую голову

– А какое твое дело? – зло огрызнулся он. – Разве ты бывал в моей шкуре? Разве пережил то, что пережил я? Пошел прочь с моей дороги!

Дьявол, а именно он явился к Существо, ухмыльнулся.

– Я видел все это, я знаю, как беспощадна бывает жизнь, как незаслуженно обижает она живых существ. И я готов предложить тебе сделку. Я изменю твою жизнь, ты забудешь о горечах, печалях и унижениях, а взамен отдашь мне свою душу. Все что от тебя требуется – это твое согласие. И так: 30 лет новой жизни в обмен на одну душу. По-моему, это весьма щедрое предложение. Что скажешь?

– Я согласен, – быстро проговорил Существо, в надежде, что это позволит ему поскорее избавиться от назойливого безумца и отправиться дальше своей дорогой. – А теперь убирайся! Вон! Оставь меня в покое!

– Чудно, – лицо Дьявола расплылось в самодовольной улыбке. – Я сделал то, зачем приходил. До скорой встречи.

И незнакомец исчез так же внезапно, как и появился.

Сделка с Дьяволом была заключена. В тот же миг Существо изменился. Его лицо приобрело четкие конкретные черты. Теперь он стал богат, знаменит и, как оказалось, очень влиятелен. Прежняя жизнь забылась.

Новая жизнь проходила в развлечениях и празднествах, бесконечных светских приемах и балах, кутежах, беспорядочных связях с женщинами и пьянстве. Так продолжалось долгие годы, а Дьявол все терпеливо ждал указанного срока.

И вот однажды, проснувшись после бурной ночи, Существо услышал голос:

– Твое время вышло! Хозяин ждет тебя!

Пол под ногами разверзся, из ниоткуда выбрались черти и, схватив его, утащили в ад. Так закончилась смертная жизнь Существа, и началась новая – на службе у Дьявола. Процесс перерождения прошел быстро, о чем сам Существо сложил впоследствии песню:

*Всю жизнь я не боялся смерти,
Но вот, когда пришла пора,
К моей душе подкралась черти
И утащили в никуда...*

*О, как мне было страшно
Осознавать и понимать,
Что вот теперь придется
За все поступки отвечать*

*Я так хотел назад вернуться,
Но было некуда идти,
А Дьявол хитро улыбнулся
И молвил: «Нет назад пути!»*

*Кострами дикого огня
Ад, торжествуя, повстречал меня.
Там над огнем котлы кипели.
В них души грешников хрипели*

*И вот меня всего раздели,
Связали руки за спиной.
При этом черти все галдели
И потешались надо мной*

*Затем они меня схватили
И приподняли на руках,
Небрежно в воду уронили,
И погрузился я во мрак...*

Как только тело сварилось в кипящем над адским пламенем котле, его душа вырвалась наружу, но уже не могла обрести покой. Отныне она принадлежала Дьяволу и подчинялась целиком и полностью его воле.

– Добро пожаловать в мою обитель, Герш, – приветствовал новоиспеченного слугу Хозяин Преисподней.

– Почему ты называешь меня так, Хозяин? – спросил злой дух.

– На языке ада это значит «лучший», а ты – моя лучшая находка.

И наделил Дьявол Герша невероятными способностями, а потом повелел отправиться на Марс и доставить в ад дочь триотского короля Гирумешона принцессу Антонадию. Коварный прародитель зла искал некий «сосуд» для вливания в него темных сил, который будет нести его волю в этот большой вселенский мир. Принцесса трионтов подходила для этого, потому что только женщина могла принять в себя всю суть зла и, став Застывшей Тьмой, являться воплощением воли Хозяина Преисподней.

Долгие годы, жившие на восточном материке Марса трионты, были разрознены и враждебны по отношению друг к другу. Объединяясь в небольшие группы, они часто воевали между собой за лучшие территории и жизненно необходимые ресурсы.

Так продолжалось на протяжении 25 марсианских лет, пока лучи Великого Небесного Света не опустились в воды южной марсианской реки Винескрапус. И застыла вода в реке всего на мгновение, а потом поднялась и выплеснула на северный берег отважного трионта. То был Гирумешон – шаман-колдун, рожденный из Воды и Света.

Отправился Гирумешон к своим сородичам, неся с собой

просветление. Многие трионты стали внимать его речам, которые раскрыли для них истинность вещей этого мира и смысл бытия. Но нашлись и такие, которые не желали слушать, и решили они убить «безумного старика».

Темной ночью прокрались заговорщики в комнату, где отдыхал почтенный старец, и достали остро заточенные ножи, чтобы, перерезав ему горло, заставить навсегда замолчать. Но не знали негодяи того, что Гирумешоп был сведущ в колдовстве и умел призывать себе на помощь стихии, не знали они, что вместе с ним всегда рядом находится его заколдованный меч.

Той ночью неудавшиеся убийцы сами были убиты. Остальные трионты склонились перед шаманом-колдуном и избрали его своим королем.

И повел свой народ Гирумешоп по светлому пути, все-сторонне развивая его и поддерживая дружеские отношения с другими обитателями красной планеты. Много городов и крупных селений было воздвигнуто в ту пору. В городе Хьюф король построил дворец, а сам город сделал столицей королевства.

Гирумешоп взял себе в жены трионтку по ее согласию, а спустя небольшой промежуток времени на свет родилась девочка – юная принцесса трионтов Антонадия.

Гери принял облик трионта и отправился на Марс. Прибыв в столицу, он повстречал в одном из постоянных дворов знаменитого музыканта, приглашенного во дворец по случаю дня рождения принцессы. Тот музыкант очень любил выпить, и этим воспользовался Гери. Призрак напоил его, отвел в комнату для ночлега и убил, затем, приняв облик музыканта, отправился во дворец.

Все королевское семейство готовилось к предстоящему празднику, по этому случаю при дворе собралось много народу. Все, от мала до велика, хотели поздравить принцессу, а потому несли самые разные подарки. Чтобы отблагодарить своих подданных, король Гирумешоп приказал устроить массовые гуляния в самом большом зале дворца, куда были приглашены известные музыканты, певцы-сказители поэтических баллад, танцоры и танцовщицы, циркачи и акробаты.

Все это было очень кстати для планов Гериа. В таком скоплении народа легко остаться незамеченным и действовать, не привлекая внимания.

Но злой дух допустил ошибку – недооценил короля. Он не знал, что Гирумешоп вовсе не обычный трионтский старец, а шаман-колдун, рожденный из Воды и Света, и никогда, и ни при каких обстоятельствах он не подвергнет свою

дочь опасности.

Всех гостей и приглашенных артистов встречал лично сам король, и когда он взглянул на Герша, то ужаснулся, увидев его истинную суть, суть омерзительного зла, умело сокрытую за обликом убитого музыканта.

Понял Гирумешоп и причину, по которой злой дух явился к нему в дом, но позволил ему войти, притворившись, что ни о чем не догадывается.

Тем же вечером шаман-колдун в тайне ото всех погрузил в сон Антонадию и спрятал ее, а потом сотворил иллюзию, столь правдоподобную и похожую на настоящую принцессу, что даже сам не отличил бы ее, не зная правды.

Не бездействовал в тот вечер и Герш. Уединившись в специально выделенной для него комнате, он достал лиру убитого музыканта и несколько раз провел пальцами по струнам. Музыкальный инструмент, имевший ранее мелодичное, трогательное за душу звучание, теперь наполнился темной скверной.

И вот долгожданный день настал. Следующим утром самый большой зал дворца был полон гостей. По его периметру вдоль стен были расставлены столы, ломившиеся от деликатесных блюд. В самом центре зала на большом деревянном троне сидела принцесса.

Роскошное белоснежное платье сочеталось с жемчужным ожерельем, аккуратно подчеркивавшим красоту девичьей шеи. Голову принцессы украшала диадема.

Антонадия улыбалась, но в то же время была смущена таким большим количеством трионтов, собравшихся во дворце в честь ее дня рождения. Девушка встала и поприветствовала всех собравшихся, а затем опустилась на место.

Праздник начался. Приглашенные артисты по очереди выходили вперед и показывали свое искусство прямо напротив трона принцессы. Герш терпеливо ожидал своего выхода в стороне вместе с остальными. Впрочем, ждать пришлось не долго. После выступления одного акробата, явно понравившегося публике, подошла очередь знаменитого музыканта, и злой дух устремился к центру зала.

Герш остановился в пяти шагах от принцессы, отвесил низкий поклон сначала Ее Королевскому Величеству, а потом и всей distinguished публике, и опустился на специально приготовленный для него табурет. В зале воцарилась тишина, даже за столами перестали жевать, и все взоры обратились к музыканту.

Призрак поставил округлый корпус лиры на колени и провел несколько раз по струнам. Инструмент издал протяжные и хриплые звуки, подобные предсмертным мукам существа, лишенного возможности сделать хоть малейший вдох. А затем тишину заполнила мрачная мелодия. Заколдованная лира изливала наружу потоки ужаса, вселявшего в сердца собравшихся и погружавшего их в полное оцепенение.

Когда же желаемый результат был достигнут, и во всем зале не осталось никого, кто мог двигаться, Герш отбросил в сторону инструмент и, выставив перед собой руки, при помощи силы мысли подтащил к себе принцессу.

Но прежде чем произошло что-либо еще, прямо из воздуха возник Гирумешоп и, выкрикнув несколько непонятных слов, наглухо запер все окна и двери.

– Тебе не остановить меня, старик, – произнес Герш.

– На твоём месте, я бы не был столь категоричным, – возразил ему шаман-колдун и, выхватив свой меч, резким движеньем рассек принцессу.

Злой дух с изумлением смотрел, как иллюзия рассеялась и тонкой беловатой дымкой устремилась к потолку.

– Думаешь, я бы позволил негодяю прикоснуться к своей дочери?!

Герш не удостоил его ответом, вместо этого он сделал мощный энергетический посыл, врезавшийся в Гирумешопа, старик отлетел в другой конец зала.

Шаман-колдун быстро осознал свою ошибку и успел заклониться от следующего посыла заколдованным мечом. Этот посыл отразился и ударил в пол, проделов в нем огромную брешь.

Герш сделал еще два резких посыла, от которых Гирумешоп уклонился и снова выкрикнул какие-то непонятные слова. Вспышка яркого света на мгновенье ослепила призрака, старик воспользовался этим и, подобравшись вплотную,

пронзил обманчивый облик врага.

Злой дух издал протяжный стон и упал на колени, а взору всех собравшихся предстал его бесформенный, размытый призрачный силуэт.

– Я слышал о тебе, Существо. Добро пожаловать в мою обитель, – произнес Гирумешоп.

Упоминание о прежнем имени вновь разбудило в Герше память о его прошлой жизни, полной лишений и страданий.

– Не-е-е-ет! – призрак издал отчаянный плачь. – Не-е-е-ет! Замолчи!

Гирумешоп в третий раз произнес непонятные слова, и порыв ветра подхватил рыдавшего и потерпевшего поражение врага, и усадил на трон, в тот же миг превратившийся в магическую клетку, из которой дух не мог вырваться.

Праздник объявили оконченным, всем собравшимся было велено расходиться по домам.

В строжайшей тайне Гирумешоп воззвал к своему отцу – Великому Небесному Свету, и тот с дозволения Всевышнего приоткрыл проход в Сокрытую Грань, куда отправили Герша, а сам проход надежно запечатали и спрятали.

Дьявол же был взбешен. В наказание своему слуге, он не стал вмешиваться в произошедшее и оставил злого духа в Сокрытой Грани, а сам устремил свой взор в сторону лю-

дей, небезосновательно полагая, что их сердца и души легче других поглощаются тьмой.

Опасаясь, однако, что Зло на этом не успокоится, король при помощи Великого Небесного Света возвел в Лесных Землях Дикие Сады, ставшие оплотом Света на Марсе.

Антонадия поселилась среди Садов, и Великий Небесный Свет даровал ей часть своих сил. Днем она гуляла меж высоких деревьев с могучими, толстыми, как у дубов, стволами и огромными зелеными кронами, среди которых свисали ягоды, размером с яблоки, похожие на рябину, и восхищалась красотой этого дивного места. Древесные гиганты шептались с ней, рассказывая диковинные истории, и делились своими тайнами, мягкие травы бережно укутывали ее во время сна, а сама земля излучала успокаивающее и обогревающее тепло.

Ночью девушка любила выходить к озеру и, сидя на его берегу, любоваться чистым и сказочно прекрасным небом, на котором то и дело мерцали далекие звезды, донося свой свет из других частей Вселенной.

Но вот в какой-то момент трионтка почувствовала, что смертный час ее уже близок. Тогда она сокрыла Сады далеко за пределами зримого мира, а в Лесных Землях, глубоко в подземелье Покатой Горы, Антонадия создала единственный вход в них в виде статуи девушки, позволяющий очутиться в Садах всем тем, кто чист душой.

По завершению этих трудов, Свет позвал ее и спросил,

хочет ли она стать его ученицей. Но Антонадия выбрала другой путь, и Великий Небесный Свет позволил ей последовать дальше, в иные миры, где в сокрытой Вечности обитают души всех существ после смерти...

*«Я – изгнанник
посланник древнего народа
и бывший ученик Великого Небесного
Света. Меня зовут Сапирмут»
Отрывок из дневника Сапирмута*

Глава 1

Третий ребенок

Я вижу людей или псов, способных напасть на ребёнка?

Джордж Мартин. «Игра престолов»

Когда Всевышний создал Вселенную, изгнав Изначальную Пустоту, Он зародил в ней жизнь. В те далекие времена Марс населял древний народ, называвший себя трионтами, но было это так давно, что уже в эпоху их эволюционных потомков это название затерялось во времени.

Трионты, существа с кожей русого цвета, внешне весьма походили на людей.

Цивилизация прамарсиан, а именно так в будущем называли их, была достаточно развита для того времени. В центральной и южной частях восточного материка размещались крупные города и селения, процветали наука и образование, медицина и культура, ремесло и промышленное производство. Но уже после смерти Гирумешопа в 35 году постепенно все это стало приходить в упадок. Закат эпохи трионтов был уже близок...

150 марсианских лет спустя.

185 год на Марсе. Эпоха прамарсиан

Король Муфбак нервно мерил шагами комнату. Сцепив руки за спиной в замок, он уже в двадцатый раз прошелся туда-сюда. Наконец, обойдя вокруг огромного стола, за которым устраивались званые ужины во время королевских приемов, трионт опустил на трон, стоявший во главе все того же стола.

Откинув голову на спинку, обшитую мягкой и дорогой зеленой тканью, Его Королевское Высочество прикрыл глаза рукой и погрузился в свои тревожные думы.

Поздний вечер уже давно сменился ночью. В камине, потрескивая поленьями, горел огонь. Единственным источником света были зажженные свечи в нескольких канделябрах, расставленных симметрично на столе. Большая часть комнаты пребывала во тьме, кроме небольшого прямоугольника на полу, куда падал свет звезд, просочившийся в огромное боковое окно.

Внезапно промелькнула чья-то тень, на долю секунды заслонив собой прямоугольник света на полу. Через пару секунд Муфбак услышал тихие шаги, а еще через пару его взору предстал трионт. Одетый в черный саван с капюшоном,

он был едва различим в тусклом свете свечей.

Король вопрошающе посмотрел на него.

– Она только что родила, сир, – ответил явившийся из ниоткуда трионт. – Мальчик.

Муфбак вновь посмотрел на начальника своей секретной службы, прозванного Ходящим во Тьме. Стоявший перед ним трионт полностью оправдывал это прозвище. Он и его многочисленные шпионы были везде и нигде одновременно, что позволяло им оставаться сокрытыми от «чужих» глаз и ушей, а заодно всегда быть в курсе того, что происходит на планете. Вдобавок никто, за исключением короля, не знал настоящего имени главного шпиона, но и сам Муфбак никогда не называл его по имени.

– Стало быть, у меня родился сын, – наконец облегченно произнес король, однако Ходящий во Тьме все же уловил в его голосе некоторые тревожные нотки.

– Сир, но его мать...

– ...служанка, знаю! Я взял ее силой.

– Сир, надеюсь, вы понимаете значимость тех последствий, если вдруг эта новость просочится за пределы этой комнаты?

Король наморщил свой и без того полный морщин лоб, отчего тот стал похож на выжатый фрукт. Рождение внебрачного сына могло помешать его замыслам, к осуществлению которых он приближался последние несколько лет. С этим ребенком и его матерью надо было срочно что-то решать, ре-

шать быстро. В голову приходили самые скверные варианты, Муфбак колебался. Все-таки это был *его* ребенок.

– Милорд, – вновь обратился к королю Ходящий во Тьме, – вы должны принять решение..., – главный шпион слегка замялся, т.к. побоялся выразить мысль о дальнейшей судьбе младенца и его матери.

Король поднялся, обошел вокруг стола и, остановившись возле своего шпиона, произнес:

– Что я, по-твоему, должен сделать?

– При всем уважении, сир, вы должны распорядиться об их устранении, причем о таком устранении, чтоб не осталось ни следов, ни намеков на их существование, – Ходящий во Тьме опустил взгляд на пол и не поднимал глаз до тех пор, пока Муфбак вновь не заговорил.

– Ты говоришь об убийстве, – спокойно произнес король трионтов, – об убийстве моего сына и его матери.

– Мой повелитель, – шпион посмотрел прямо в глаза королю, – этому младенцу не суждено сыграть никакой политической роли в дальнейшем. Пусть хоть он и ваш сын, но в то же время он сын прислуги, рожденный вне брака. Если хоть малейшая информация об этом вырвется из стен дворца, то о вашем предстоящем бракосочетании можно забыть. А, следовательно, можно забыть и о возможности вторгнуться в земли гевридломов. Это сведет на нет ваши планы. Ваша будущая жена – Потерянная Княжна, приемная дочь раца гевридломов Азун-Ти-Монга. Думаю, вы понимае-

те, как строго гевридлимы относятся к соблюдению установленных правил и обычаев. Если они узнают о вашем незаконно рожденном сыне, да еще и от прислуги, посчитают это оскорблением их чести, и тогда ни один трионт не сможет ступить свободно по их землям. К тому же, сир, ведь у вас уже есть дети – взрослый старший сын, будущий король, и прекрасная, юная, как молодая весна, дочь – принцесса трионтов.

Муфбак слушал Ходящего во Тьме и утвердительно кивал головой. Да, безусловно, главный шпион был прав, этот младенец и его мать должны умереть, умереть сегодня же. Но все же какое-то непонятное чувство заставляло короля колебаться, что-то уверенно подсказывало – они должны остаться в живых.

– Сир, когда будете отдавать распоряжение об убийстве, думайте о нем не как о сыне, а как о нежелательном последствии своих плотских утех, – посоветовал шпион.

«Своих плотских утех!?! – эта фраза чуть было не вывела из себя короля, – плотских утех! Я не животное! Мой третий ребенок будет ЖИТЬ!» – гневно подумал он.

Муфбак был так рассержен речами своего шпиона, что в какой-то момент хотел ударить его по лицу, но взяв себя в руки, все же сдержался.

– Нет, Ходящий во Тьме, мы поступим по-другому. Ты спрячешь их самым надежным образом до приезда княжны, а уже после мы поменяем местами княжну с этой служанкой.

– Простите, милорд, но я не понимаю, что вы задумали? Княжна прибудет в сопровождении отряда гевридломов во дворец через три дня.

– Все просто. Завтра днем ты отправишь им навстречу два своих отряда. Один из них под видом разбойников нападет на путников, и перебив всех гевридломов, попытается похитить княжну, но... Вот тут в дело вступает второй отряд, который под видом королевских солдат перебьет «разбойников».

– Вы хотите, что бы я пожертвовал целым отрядом ради этого и отправил его на верную смерть?

– Да. И им совершенно не обязательно знать о существовании друг друга. «Отряд разбойников» должен быть уверен, что выполняет прямой королевский приказ по срочной доставке княжны во дворец, а про второй отряд они даже догадываться не должны. В то время как «отряд королевских солдат» должен быть уверен в том, что спасает княжну из грязных лап разбойников.

После этого напуганную до смерти, но радостную от того, что осталась в живых, княжну доставляют ко мне во дворец. Затем состоится церемония бракосочетания, а на следующий день настоящая княжна исчезнет. Ее место займет мать моего сына. Поскольку рядом не будет дотошных гевридломов, то некому будет заметить подмену, а спустя какое-то время мы объявим о рождении сына. И вот в такой комбинации его ждет успех и завидное будущее. Ах да, чуть

не забыл, раз уж мы не хотим распространения информации, приказываю всех свидетелей, знавших о существовании этой служанки и ее сегодняшних родах, ослепить и отрезать им языки. Что ж, пожалуй, это все. Теперь ступай, Ходящий во Тьме, у тебя много дел.

– Слушаюсь, сир, – шпион поклонился и, сделав шаг назад, буквально растворился в тени.

Муфбак облегченно вздохнул и направился в свои покои. Эта *маленькая* тайна теперь останется тайной. В этот момент он еще не догадывался, что ошибается, а спланированные им события пойдут несколько иначе.

Княжна Чирта поправила украшенный кружевами и лентами подол своего белоснежного платья и вновь опустилась на свое место в королевском экипаже.

Трионтка была раздражена и даже не пыталась этого скрыть. Предстоящее бракосочетание с королем ей вовсе не нравилось и, несмотря на, казалось бы, убедительные доводы приемного отца – раца Азун-Ти-Монга о том, что она станет не просто королевой, а, в первую очередь, его глазами и ушами при королевском дворе, ей вовсе не хотелось замуж. Чирта имела иные представления о том, чем должна заниматься молодая и привлекательная девушка ее возраста, а уж если и говорить о замужестве, то только по взаимной любви.

Девушка тяжело вздохнула и слегка пристукнула ладонью по кожаному покрытию сиденья.

Сидевший напротив гевридлом поднял на нее взгляд своего единственного глаза и спросил:

– Чем ты так недовольна, сестра?

– А то ты этого не знаешь?! – язвительно отозвалась Чирта и, поправив непослушную прядь, упавшую на лицо, снова заговорила. – Как можно выходить замуж за того, кого ни разу не видела, о ком ничегошеньки не знаешь, кого вовсе не любишь и, самое главное, за того, кто мне в деды годится?!

– Когда доходит дело до политики, то о любви и других высоких чувствах можно и нужно забыть, потому что политика всегда была, есть и будет оставаться сплошной грязью, умело скрываемой под ложью красивых речей и громких обещаний. Печально, но факт, – ответил Мон-Ти-Монг.

– И это вместо того, чтобы поддержать или подбодрить меня?! Тоже мне умник нашелся, – княжна смерила его уничтожающим взглядом.

«Хотел бы я что-то изменить, но вряд ли это сейчас в моих силах, – подумал гевридлом, глядя на названную сестру. – Такова ее доля».

Чирта вспомнила события последних нескольких дней: ее вызвал отец и поставил перед фактом, что она станет женой короля и королевой трионтов. Несмотря на все возражения и просьбы не заставлять ее делать это, Азун-Ти-Монг крепко обнял ее и, поцеловав, сказал:

– Со временем ты все поймешь, милая, и не будешь сердиться и осуждать мое решение, а теперь ступай дитя, ступай.

Девушка провела всю следующую ночь в слезах, а под утро дала себе обещание, что больше никто и никогда не увидит ее слез, равно как никому и никогда она больше не покажет своей слабости.

Княжна вспомнила так же, как этим утром в сопровождении Мон-Ти-Монга и небольшого отряда гевридломов она покинула Муэмум, прошла через ущелье Рукупутупис, миновала Лысое плато, полное зеленого тумана, поднимавшегося от поверхности, и по небольшой и узкой горной тропе спустилась к тракту, где их ожидали два королевских экипажа, чтобы увезти отсюда прочь в столицу Хьюф.

Экипаж быстро и уверенно мчался по тракту, покачиваясь из стороны в сторону и постукивая своими колесами по мощенной из камня дороге.

Чирта посмотрела на Мон-Ти-Монга. Он был одет в плащ с зелеными полосами, пять шнурков, привязанные к его рогам, означали уважение к будущему рацу.

Шнурки динамично раскачивались туда-сюда, точно повторяя движения экипажа. Это зрелище стало действовать на девушку усыпляюще, отбросив голову на спинку сиденья, она подумала:

«Я же Потерянная Княжна. Один раз уже терялась, значит можно и два раза. Как только наступит тьма – сбегу! Никогда

в жизни не стану женой короля!»

Она уснула, не подозревая, что на нее у судьбы несколько иные планы, расходящиеся с ее собственными.

Пять марсианских лет назад

Князь Пунгаш Фенгу – комендант королевской крепости Теазнорп – вместе со своей пятилетней дочерью ранним утром отправился в ежегодный летний поход в Кулибирунские горы. Они собирались пройти своим обычным маршрутом южней Лысого плато и уже к вечеру вернуться обратно к тракту, где их будет ожидать экипаж.

Миновав южный склон, отец и дочь Фенгу попали в небольшую, местами заболоченную равнину. В ее правой части рос редкий и чахлый полулесок, жалкие и унылые деревца которого кое-как из последних сил пытались тянуться к свету и приспособиться к постоянно меняющимся климатическим условиям.

Кулибирунские горы были особым местом, и климат вместе с погодными явлениями там не отличались стабильностью. Даже летом в любой момент мог повалить снег или же разыгаться настоящая снежная буря, отчего в северных участках гор снежники не таяли круглый год.

С левой же части равнины находился небольшой приго-

рок, сплошь состоявший из песка, грязи, мелких и крупных камешков.

Маленькая Чирта, вырвавшись вперед, взбежала на этот холм и радостно произнесла:

– Папа, папа! Гляди как я высоко!

Пунгаш лишь улыбнулся в ответ и хотел что-то сказать, но маленькая озорница уже спустилась по ту сторону холма и теперь скрылась из его поля зрения. Трионт быстро взобрался на пригорок и обомлел.

Прямо перед ним сплошной непроглядной стеной висел густой туман, простиравшийся до самого горизонта. Сердце бешено застучало в груди, а где-то впереди слышались всхлипы и детский плач.

– Чирта! Чирта! Где ты?!

Поднявшийся из ниоткуда ветер заглушил ответ, если таковой и был.

Князь бросился вниз с холма, но в этом тумане совсем не видел, куда бежит. Споткнувшись, он упал, и кубарем покатился вниз, обдирая и царапая в кровь лицо и руки. У основания холма Пунгаш больно ударился спиной, тихий стон вырвался из груди, болело все тело.

Погода окончательно испортилась, в этом страшном и коварном тумане разыгралась буря. Снег сыпал повсюду большими, холодными хлопьями. Легкая летняя одежда, не предназначенная для зимних условий, моментально промокла, и ветер, словно ножом, резал по его и без того истерзанному

телу.

Трионт заслонил лицо руками и, прикрыв глаза, попробовал пошевелиться. Жуткая боль отразилась в правой ноге, оказалось, он сломал ее во время своего падения.

Снег все сыпал и сыпал, припорошивая все вокруг, и сколько бы Пунгаш, измотанный и обессиленный, не страхивал его с себя, столько же вновь его окутывало. Вскоре на его голове не стало видно волос, а ноги полностью утонули в белой массе сугроба.

Пунгаш Фенгу сделал отчаянную попытку позвать на помощь, из озябшего и заледеневшего тела вырвался лишь сдавленный кашель.

«Зачем я только задумал этот поход?».

Конец был близок...

Княжна Чирта, вырвавшись вперед отца, взбежала на небольшой холм и радостно произнесла:

– Папа, папа! Гляди как я высоко!

Девочка развернулась и посмотрела вниз, там что-то блеснуло, и это привлекло ее внимание. Она в один миг спустилась с холма и принялась высматривать, что же это было. Сама того не замечая, Чирта постепенно отделилась от пригорка, с которого кричала отцу.

Внезапно возникший густой туман, опутавший все вокруг, напугал ее. Девочка всхлипнула и закричала. Откуда-то издалека донесся крик отца:

– Чирта! Чирта! Где ты?!

Княжна не имела понятия, где находится, к тому же она была сильно напугана. Маленькая трионтка что-то прокричала в ответ, но взывший ветер заглушил ее крик, давая понять, что отныне он один здесь имеет право голоса.

Поваливший отовсюду снег попадал в лицо, за шиворот и промочил насквозь одежду. Девочка озябла и еле двигалась в неизвестном направлении, с трудом перебирая ногами.

«Как же тут холодно... кхе-кхе... Мамочка, милая мамочка, если это конец, то забери меня... кхе-кхе... к себе скорее. Папочка, где же мой папочка?»

Ведомая лишь одной судьбе известной дорогой, маленькая княжна Чирта забрела под низкие кроны деревьев. Юркнув, как мышка в норку, она укрылась под пушистыми ветками одного из них, которые словно крыльями заслоняли ее от разыгравшейся непогоды.

Свернувшись калачиком, Чирта обхватила себя ручками и отчаянно пыталась согреться. Ветер и снег не проникали сюда, а от дерева исходило такое большое тепло, что продрогшее дитя в скором времени отогрелось, и она, не ведая как, уснула.

В условленный час экипаж так и не дождался возвращения князя и его дочери. Прождав еще какое-то время, поданные наместника Теазнорпа уже глубокой ночью вернулись в крепость. Тут же был собран отряд, который на рас-

свете отправился на поиски. О произошедшем с донесением немедленно послали гонца к королеве.

Поисковый отряд, прибывший рано утром следующего дня к месту похода, наткнулся на следы бури. Закоченевшее тело князя удалось отыскать. Погибшего отправили в столицу, а княжну так и не нашли.

Вот так маленькая Чирта стала Потерянной Княжной.

Когда Чирта открыла глаза, вокруг уже было светло. Она выползла из-под дерева, поднялась в полный рост и осмотрелась. Туман рассеялся. Перед ней лежала незнакомая, укутанная еще не успевшим растаять снегом, долина.

Девочка не знала, как здесь очутилась, т.к. во время вчерашней бури брела в неизвестном направлении. Не знала она, и как вернуться назад. Ей стало страшно, слезы сами катились по крохотному лицу.

– Папа! Папа! Где ты?!

Чувство страха сменилось возникшим внезапно чувством голода, Чирта ничего не ела со вчерашнего дня. К голоду добавилась жажда. Пересохшее небо создавало во рту неприятные ощущения.

Маленькая трионтка опустилась на колени и, зачерпнув в ладошку немного снега, поднесла его к губам, едва намочив их. Она хорошо помнила, как отец строго настроено запрещал ей есть снег, говоря, что от этого можно заболеть.

Девочка облизала языком влажные губы, но это только

раздразнило ее, и она, уже не думая о каких-то там запретах, быстро положила снежный комочек в рот.

Снег был ледяным, он быстро растаял и холодным потоком скрылся глубоко внутри Чирты. Она тут же закашляла, и у нее заболело горло.

– Ну, вот, – сипло произнесла трионтка, – теперь еще и простужусь. Буду чихать, кашлять и сморкаться. Как же хочу кушать.

Чирта посмотрела на дерево, под которым пережила бурю. На его ветках росли какие-то вытянутые, бледно-зеленые плоды, похожие на земные огурцы только без пупырышек. Плоды росли слишком высоко, чтобы девочка могла до них дотянуться и сорвать их. Она уже совсем расстроилась и вновь хотела заплакать, но вдруг вспомнила, как няня рассказывала ей о том, что все животные и растения такие же живые существа. У них есть душа, они все слышат и понимают, а тем, кто уважительно и бережно к ним относятся – помогают.

«Значит, нельзя есть эти штучки, а то деревцу будет больно»

– Спасибо тебе, деревце, что укрыло меня от плохой погоды и обогрело. Прости, я не знаю, как тебя зовут и как к тебе следует обращаться, – решила поблагодарить дерево девочка.

Ответа не последовало. То ли деревце ее не слышало, то ли просто не умело говорить, так это и осталось неиз-

вестным, однако внезапный порыв ветра сорвал с ветки один из плодов и уронил к ногам Чирты.

– Спасибо, – обрадовано произнесла княжна, подбирая плод, – скажи, может, ты знаешь, как мне выйти отсюда?

Новый порыв ветра отвел в сторону одну из ветвей так, что получилось, будто она указывает на противоположный край долины.

– Еще раз спасибо, прощай, деревце.

Потерянная Княжна развернулась и отправилась в направлении, указанном веткой, осторожно ступая по снежному покрову, начинавшему местами обильно таять.

Лишь отойдя на достаточное расстояние от деревьев, Чирта осмелилась вонзить зубы в неизвестный плод. Укусив пару раз, она убрала оставшуюся часть в карман своей курточки.

– Неизвестно сколько еще придется тут бродить, а это все, что у меня есть, – пробормотала она.

Впереди начинался пологий спуск, весь поросший высокой травой и диким кустарником, сквозь который местами пробивались, торчащие из земли огромные валуны и камни.

Далеко внизу Чирта заметила огонек, там кто-то развел костер, и теперь от обильного пламени вверх поднимались, разносимые ветром, клубы дыма.

«Надо идти туда», – подумала княжна и начала свой спуск, аккуратно ступая и временами хватаясь руками.

Немного устав, Потерянная Княжна остановилась, чтобы перевести дух. Она как раз добралась до большого скопле-

ния камней, разбросанных в хаотичном беспорядке. Камень, на который девочка только что ступила, показался ей достаточно устойчивым, и трионтка решила присесть на него.

Валун пошатнулся и наклонился в сторону. Чирта повалилась на левый бок и зацепила ногой соседний камень, сдвинув его с места. Хрупкое равновесие было нарушено, и теперь скопление твердых ископаемых лавиной ринулось вниз.

Спасло княжну небольшое деревце, росшее чуть левее, за ствол которого девочка успела ухватиться. Держась руками и ногами изо всех сил, Чирта с ужасом в глазах наблюдала, как мимо со страшным грохотом проносятся валуны.

Только когда рядом пролетел последний камень, а внизу затих, создаваемый ими шум, Чирта очень плавно спустилась на землю. Она отряхнула курточку и брюки, посмотрела на руки – ладони были ободраны.

– Ну, вот, – с легкой досадой произнесла девочка.

Она успела сделать только один шаг и, поскользнувшись на сырой траве, упала на спину и заскользила вниз. На ее счастье спуск оказался не долгим, а на всем его протяжении не повстречалось ни одного камня. Все закончилось падением в обильные заросли кустарника, который смягчил ее приземление и слегка исцарапал бедняжке лицо. Чирта потеряла сознание.

Когда Потерянная Княжна пришла в себя, вокруг было уже темно. Она не знала, где находится, сколько прошло времени, а самое главное, она ничего не видела вокруг. Девоч-

ка всхлипнула, но вдруг где-то рядом хрустнула ветка. Маленькая трионтка вздрогнула и плотно прижалась к земле.

«Я не плакса!» – мысленно она заставила себя не плакать.

Чирта не помнила, как заснула.

Ее разбудили лучи света, падавшие на лицо. Княжна пошевелилась, протерла глаза руками. Все тело болело, а левая нога затекла. Вдобавок очень хотелось кушать, живот урчал со страшной силой, а во рту все так пересохло, что язык распух и теперь с трудом ворочался.

Трионтка искала в карманах вытянутый плод, но ничего не нашла. Очевидно, он выпал во время спуска. Тяжело вздохнув, на большее не хватало сил, девочка с трудом поднялась и, вновь заметив впереди огонь костра, направилась туда, ели переставляя ноги.

На поляне перед костром сидели двое гевридломов и о чем-то болтали меж собой. Когда из ближайших зарослей к ним вышла маленькая девочка, все взъерошенная, перепачканная, измятая, в кровоподтеках и царапинах, в такой же рваной и грязной одежде, они с недоумением посмотрели на нее.

Чирта попыталась что-то произнести, но язык отказывался ее слушать. Ноги подкосились, и маленькая княжна упала, теряя сознание.

– Надо отнести ее в деревню, – сказал первый гевридлом.

– Она же из трионтов, – возразил второй.

– Сейчас это не имеет значение, ей нужна помощь.

Двое гевридломов подняли обездвиженную Чирту и отнесли в свою деревню, где местная знахарка несколько дней заботилась о девочке.

Обо всем этом было сообщено рацу, и он немедленно прибыл из столицы.

– Как тебя зовут, девочка? – спросил первым делом Азун-Ти-Монг.

– Княжна Чирта Фенгу.

О том, что князь Фенгу и его дочь потерялись в горах, рац гевридломов знал, знал он и то, что девочку в результате поисков так и не нашли.

– Отправьте гонца к Симване, скажите, что Потерянная Княжна нашлась, – распорядился рац.

Когда через несколько дней Чирта поправилась и окрепла, ей сообщили о гибели отца. Маленькая княжна сильно расстроилась. Рац забрал ее с собой в Муэмум – главный город гевридломов. Чирта отказалась возвращаться в Теазнорп. Азун-Ти-Монгу приглянулась маленькая трионтка, и он удочерил осиротевшего ребенка, оставив у себя в столице.

Вот так Потерянная Княжна осталась жить у гевридломов.

185 год

Чирту разбудил шум. Она открыла глаза, экипаж стоял

неподвижно, Мон-Ти-Монга рядом не было. Княжна выглянула в окно. Несколько трионтов, вооруженных мечами, атаковали сопроводительный отряд гевридломов.

Девушка не верила своим глазам, на них напали! Но кто и зачем?

Притаившиеся в засаде лучники выпустили из придорожных кустов целый град огненных стрел. Со страшным шипением, свистя в воздухе, они били точно в цель. Число гевридломов стало стремительно уменьшаться.

Чирта выскочила наружу. Новый залп стрел достиг второго экипажа, карета моментально вспыхнула, запряженный в упряжку терукип отчаянно задергался, пытаясь освободиться, но следующая стрела пронзила насквозь его голову.

Девушка отыскала глазами Мон-Ти-Монга. Ее брат отбился от нападавшего на него трионта с обезображенным лицом. Жутколиций размахивал двуручным мечом. Княжна бросилась в гущу сражения. Платье мешало двигаться, сбивалось и постоянно за что-то цеплялось. Недолго думая Чирта разорвала подол и припустилась бегом. Жутколиций замахнулся, намериваясь отрубить гевридлому голову. Трионтка со всей силы толкнула его в бок. Траектория удара сбилась, меч просвистел мимо, уводя за собой своего владельца.

Этого оказалось достаточно. Мон-Ти-Монг среагировал мгновенно, и в тот же миг вонзил свои когти в грудь нападавшего. Разбойник упал замертво.

Брат отвел сестру в сторону и велел оставаться там, а сам

вновь ринулся в бой, но княжна его уже не слышала. Перед ней стояла жуткая картина побоища. Нападавшие трионты были лучше вооружены, в то время как гевридломы не имели ничего кроме собственных когтей.

Участок дороги, где на них произошло нападение, был усеян телами и сочившейся из них кровью. В воздухе разносились крики оборонявшихся, которых становилось все меньше и меньше, и свист клинков нападавших, понесших незначительные потери.

Похоже, что у сидевших в засаде лучников кончились стрелы, так как они выбрались из кустов и, вооружившись кинжалами, тоже ринулись в бой. Двое из них заметили стоящую в стороне Чирту и устремились к ней. Один из «разбойников» схватил девушку за руку.

– Идемте с нами, княжна, мы должны доставить вас во дворец.

– Что? – трионтка на секунду опешила. – Убери свои грязные руки, мерзавец!

Чирта с силой ударила его по лицу.

Внезапно из-за поворота дороги появился отряд, закованных в тяжелые латы воинов. Они, не останавливаясь, обрушились на «разбойников». Охранявшие Чирту негодяи бросились бежать, но тут же были схвачены и убиты.

Спустя считанные минуты в живых не осталось никого. Девушка смотрела на лежавшие повсюду тела.

– НЕТ!!! – она бросилась к трупам, разгребая их в разные

стороны.

Ее руки и платье перепачкались в крови, и теперь она походила больше не на будущую королеву, а на какую-то обезумевшую дикарку.

Откуда-то сзади раздалось чье-то покашливание. Чирта тут же устремилась на звук. На земле, прижатый убитым «разбойником» лежал Мон-Ти-Монг. Девушка с трудом отодвинула тело и помогла брату подняться. Он был перепачкан в крови, шерсть местами слиплась.

К девушке и гевридлому подошел командир отряда. Он снял шлем и произнес:

– Приветствую вас, княжна Чирта. Мы – отряд королевских солдат преследовали этих разбойников, но им удалось скрыться. С вашего позволения мы сопроводим вас и вашего спутника к Его Королевскому Величеству.

Чирта хотела что-то ответить, но у нее просто не было сил, чтобы вымолвить хоть слово.

За поворотом тракта солдаты оставили две повозки. Первая отправилась дальше по дороге, за нею последовал королевский экипаж, и замыкала всю колонну последняя повозка.

Получившие приказ ехать без остановок кучера хлестали терукипов изо всех сил, так что уже к полуночи вся процес-

сия добралась до Хьюфа. В повисшей над городом темноте Чирта не могла любоваться его архитектурными красотами, да и в сложившейся ситуации у княжны не было на то желания.

Экипаж тем временем продолжал петлять по городу, мерно постукивая колесами по каменным плитам улиц. Наконец карета остановилась, послышался скрип открывающихся ворот, и они въехали внутрь.

Девушка посмотрела на брата, он был подавлен, тень расстройства и горечь переживания лежали на его лице. Увидев, что Чирта смотрит на него, Мон-Ти-Монг попытался придать лицу спокойное выражение.

– Ну, вот мы и приехали, – тихо произнес гевридлом.

Княжна удрученно вздохнула и первой выбралась наружу.

Несмотря на глубокую ночь, в воздухе висела невероятная духота. Нагревшиеся за целый день каменные плиты городских улиц и зданий, теперь очень медленно остывали, выделяя в пространство большое количество теплоты.

Карета тронулась с места и скрылась где-то в тени хозяйственных построек.

Чирта заметила в отдалении два огонька приближающихся к ним, и вскоре различила силуэты двух слуг с факелами в руках. Они подошли и осведомились у княжны и наследного раца о дозволении сопроводить их к королю.

Отойдя от хозяйственных построек, новоприбывшие гости и их сопровождающие оказались в саду, сплошь состояв-

шем из, казалось, бесконечно высокой и вечно зеленой изгороди. Прямо за садом расположился огромный парк с встречающимися на каждом шагу прудами и небольшими сквериками.

Наконец все вышли к основанию широкой лестницы, мощенной из белого камня, что придавало ей в свете горевших всюду факелов особое свечение. Сама лестница круто взбегала вверх, где на вершине холма расположился королевский дворец.

Это было огромное многоэтажное здание, раскрашенное в цвет утренней зари, украшенное декоративной лепниной в форме диковинных и неповторимых фигурок, а так же двумя высокими башнями, острия шпилей которых врезались в ночное небо.

Стража у главных ворот тут же расступилась и пропустила всех внутрь.

Огромный холл освещали установленные на специальных подставках факелы. Прямо из центра комнаты взбегала еще одна лестница, ведущая на верхние этажи здания. Стены вокруг были завешаны портретами всех членов королевской семьи.

Чирта поискала глазами нынешнего короля и ужаснулась. С полотна картины на нее смотрел жуткого вида старик. Его морщинистый лоб, очень походивший на выжатый фрукт, не скрывал венеч короны, одетой поверх куцых коротко стриженных серых волос. У него были хитро прищуренные

и глубоко посаженные желтого цвета глаза, а нос больше походил на верхнюю часть клюва хищной птицы. Усы и борода, срослись воедино и неухожено торчали из нижней челюсти Муфбака.

«Ну и урод», – подумала Чирта и опустила взгляд на блестящий пол, в котором увидела собственное отражение. На княжну смотрела какая-то дикарка: вся взъерошенная, растрепанная, в изодранном платье, потерявшем свою изначальную белизну, и в пятнах крови.

«Так тебе и надо, урод», – вновь подумала Потерянная Княжна и впервые за последнее время улыбнулась.

Слуги свернули направо и, миновав длинный коридор, остановились у гигантских двойных дверей тронного зала.

– Потерянная Княжна Чирта Фенгу, дочь князя Пунгаша Фенгу, пожизненного наместника королевской крепости Теазнорп, в сопровождении наследного раца Мон-Ти-Монга, сына раца гевридомов Азун-Ти-Монга, сир, – отрапортовал один из слуг, когда вся процессия вошла в тронный зал.

Это была вытянутая комната с расставленными по ее бокам симметрично с небольшими интервалами колоннами. В каждом таком интервале находились рыцарские фигуры, сжимавшие в правой руке по алебарде.

В глубине зала на резном деревянном троне, обитом мягкой тканью, восседал король. С обеих сторон от королевского трона стояли двое стражников.

Не дожидаясь пока приглашенные приблизятся к трону,

Муфбак сам поднялся и подошел к ним. Взяв Чирту за руку, он нежно поцеловал ее, и после этого произнес:

– Моя дорогая княжна, я так счастлив, что вы, наконец, добрались. Я также весьма огорчен тем происшествием, которое случилось с вами в дороге, и скорблю всей душой о смерти ваших друзей. Мои глубочайшие соболезнования, Мон-Ти-Монг.

Чирта и Мон-Ти-Монг молчали. Общее ощущение подавленности все еще не покинуло их. К тому же княжна почувствовала неискренность в словах Муфбака.

– Мои дорогие гости и друзья, вы очень устали, так что отправляйтесь и отдыхайте, мои слуги вас проводят, а утром мы с вами все обговорим.

Как только гости покинули тронный зал, король велел стражникам удалиться.

Откуда-то из тени возник Ходящий во Тьме и вопрошающе посмотрел на Муфбака.

– Ты знаешь, что нужно делать, – сказал король, – доставьте их тайно в Теазнорп, где они пробудут в заключении до конца своих дней.

– При всем уважении, сир, не надежней ли будет их устранить?

– Нет! Я уважал ее отца. Она вернется в свой дом и будет жить там со всеми подобающими ей почестями, но только в заключении. Что же касается ее спутника, то убивать сына раца гевридломов более чем неразумно, думаю, ты понима-

ешь, о чем я?

– Да, сир, но как вы объясните Азун-Ти-Монгу пропажу его единственного сына?

– Отправь гонца к гевридломам с сообщением о том, что по просьбе будущей королевы Чирты, он останется при дворе.

– Слушаюсь, сир.

– Всех, кто их сегодня видел, приказываю устранить. На твоих шпионов я надеюсь, поэтому если кто-то проболтается, его ждет страшная кара.

– Разумеется, сир.

Глава 2

Дети короля

Дети – цветы жизни
Восемь марсианских лет спустя
193 год на Марсе

Замысел Муфбака удался. Мон-Ти-Монга и княжну Чирту тайно отправили в крепость Теазнорп, где они должны были пребывать в пожизненном заключении. Место княжны заняла мать третьего ребенка, которая после замужества сменила имя и стала зваться королевой Минрапу.

Даже приемный отец Чирты Азун-Ти-Монг ни о чем не догадывался, потому что по велению короля Минрапу время от времени отправляла гевридлому письма, где сообщала о своей жизни и событиях, происходящих во дворце.

Вот так обычная служанка сделалась в одночасье королевой. Однако, никакой власти она не получила и находилась в тени своего мужа, занимаясь в основном воспитанием сына.

Мальчика называли Сапирмут. Он был красив, а потому вовсе не похож на своего отца, высокий, с густыми черными волосами, спадавшими до плеч. Единственным недостатком, отличавшим его от других, были глаза. Они имели разный цвет: один глаз – коричневый, другой – красный.

Молодой принц отличался мягким нравом и легким характером. Он с уважением и почтением относился к родителям и к другим родственникам, а так же к простым трионтам.

Никто не догадывался об истинном происхождении Сапирмута, так думал король. Но он ошибался, потому что был еще один трионт, знавший эту маленькую тайну. Старший сын Муфбака, принц Ваенфыц, в ночь рождения незаконного ребенка слышал разговор отца с Ходящим во Тьме, и теперь хранил это знание в секрете в ожидании подходящего момента.

Ваенфыц ненавидел младшего брата, презирал низость его происхождения. Ровно такие же чувства он питал и к королеве Минрапу, но пока что держал их глубоко внутри себя.

Внешне он походил на отца, только более молодой и полный сил. Принц остриг себя налысо, оставив на голове в качестве единственного источника волос – аккуратно подстриженные и ухоженные усы.

Будущий король отличался жестокостью, он любил мучить своих слуг, поэтому лично проводил *процедуру наказания* для провинившихся путем нанесения ударов деревянной палкой по наиболее уязвимым частям тела. Будучи эгоистом, принц не имел друзей, что его совсем не волновало. Ваенфыц, являясь затворником, большую часть времени проводил в одиночестве, изучая все потайные места дворца. Стремясь к совершенству, трионт много времени тратил на прочтение старинных книг, в которых описывались всевозмож-

ные ритуалы и обряды, а также он любил книги по научному прогрессу и развитию.

Средним ребенком короля Муфбака была его тринадцатилетняя дочь Налигуна. Зеленоглазая, с длинными темно-коричневыми волосами и очень милой улыбкой, она являлась истинным воплощением своей матери, ныне покойной королевы Симваны. Девушка не интересовалась политикой, с особым интересом и восторгом изучала историю, ей нравилась живопись, архитектура и литература.

Сапирмут и Налигуна сидели в библиотеке, вернее сказать сидел только трионт, в то время как его сестра с усердием искала что-то меж книжных стеллажей.

Молодой принц с трудом осознавал, зачем здесь находится. Этой ночью он почти не спал, так как большую ее часть провел в мечтаниях, а рано утром, к нему в покои прибежала Налигуна и сказала, что хочет ему что-то показать. Сапирмут не понял ни слова, но только из уважения к сестре обреченно поплелся за ней. И вот теперь, воспользовавшись моментом, пока девушка искала среди бесконечных лабиринтов стеллажей так заинтересовавшую ее книгу, он опустился в мягкое кресло возле камина и тут же уснул.

Во сне он видел милую, но очень грустную девушку. Ее лицо омрачали печальные мысли, и это придавало взгляду

голубых глаз некоторую стеклянность. Длинные светлые волосы, заплетенные в толстую косу, лежали на правом плече. Одетая она была в белоснежное платье.

Сапирмут понял, что влюбился.

– Сапирмут!

Трионт, вздрогнув, резко вскочил и несколько раз мотнул головой. Грустная девушка из его видения все еще стояла перед глазами.

– Чем ты занимаешься ночами? – спросила Налигуна, опускаясь в соседнее кресло.

Принц не ответил, он заметил в руках сестры очень старого вида книгу. Ее обложка была сильно истрепана, а пыль местами въелась в покрытие. Вдобавок кончики страниц так пожелтели и потрескались, что могли просто рассыпаться от любого неосторожного прикосновения.

– «Антонадия», – прочел Сапирмут название.

– А теперь послушай.

Налигуна принялась читать вслух.

После создания Вселенной Дьявол искал некий «сосуд» для вливания в него темных сил, что будут воплощать и нести его волю в этот большой мир.

...Случилось так, что дочь первого трионтского короля Гирумешона, принцесса Антонадия, приглянулась Хозяи-

ну Преисподней, и он возжелал сделать ее своей Застывшей Тьмой. Для этой цели коварный прародитель зла отправил на Марс ужасного духа, да не будет его имя никогда произнесено, ибо обладает оно такой силой, что от одного произнесения своего может навлечь беду.

Но трионтский король был могуч. Рожденный из Воды и Света шаман-колдун смог разоблачить и низвергнуть этого страшного противника, а затем заточить в месте, о котором не было известно никому из смертных.

Опасаясь, что Зло на этом не успокоится, король при помощи Великого Небесного Света возвел в Лесных Землях Дикие Сады, ставшие оплотом Света на Марсе.

Антонадия поселилась среди Садов, Великий Небесный Свет даровал ей часть своих сил. Днем она гуляла меж высоких деревьев с могучими, толстыми, как у дубов, стволами и огромными зелеными кронами, среди которых свисали ягоды размером с яблоки, похожие на рябину, и восхищалась красотой этого дивного места. Древесные гиганты шептались с ней, рассказывая диковинные истории и делясь своими тайнами, мягкие травы бережно укутывали ее во время сна, а сама земля излучала успокаивающее тепло.

Ночью же девушка любила выходить к озеру и, сидя на его берегу, любовалась чистым и сказочно прекрасным небом, на котором то и дело мерцали далекие звезды, донося свой свет из других частей Вселенной.

Но вот в какой-то момент трионтка почувствовала,

что смертный час ее уже близок. Тогда она сокрыла Сады далеко за пределами зримого мира, а в Лесных Землях, глубоко в подземных ходах Покатой Горы Антонадия создала единственный вход в виде статуи девушки, позволяющий очутиться в Садах всем тем, кто чист душой.

По завершению этих трудов Свет позвал ее и спросил, хочет ли она стать его ученицей. Но Антонадия выбрала другой путь, и Великий Небесный Свет позволил ей последовать дальше, в иные миры, где в сокрытой Вечности обитают души всех существ после смерти...

– И? – спросила Налигуна. – Что ты об этом думаешь?

– Очередная детская сказочка, – пробормотал Сапирмут, зевая. – Неизвестно даже, была ли эта Антонадия на самом деле или нет.

– А вот и известно, – возразила сестра, – была. Ее портрет висит в холле дворца.

– Что ж, хорошо, ну а к чему все это? Для чего ты мне это все читала?

– Как для чего? Я хочу отправиться на поиски этих Садов, и мне нужен кто-то, кто пойдет со мной.

Сапирмут с трудом понимал, что говорит сестра.

– Ладно, но сначала, я должен хорошенько выспаться, – пробормотал молодой принц и, откинувшись на спинку

кресла, вновь погрузился в сон.

Ваенфыц проснулся в прекрасном расположении духа. Причиной этому стала мысль, посетившая чертоги его темного разума. Мысль эта была ужасна и коварна. Будущий король задумал навсегда избавиться от своего брата.

С этой целью трионт проник в спальню Сапирмута и, убедившись, что там никого нет, приблизился к дальней стене, где в углублении стоял рыцарский доспех.

В блестящих от чистоты латах Ваенфыц увидел собственное отражение и, ухмыльнувшись, принялся осуществлять свой замысел. Принц достал специально принесенный нож и надпилил основание древка алебарды, которую рыцарь держал в руке. Затем трионт решил еще и ослабить держащую оружие руку, чтобы при малейшем прикосновении к доспехам лезвие боевого топора обрушилось точно на голову бедному брату.

Рука не поддавалась, трионт изо всех сил напрягся и случайно задел шлем рыцаря. Забрало поднялось, пустая голова откинулась и со звоном ударилась в стену. Раздался скрежет, говорящий о том, что сработал какой-то механизм. Каменная плита под Ваенфыцом опустилась куда-то внутрь, и, прежде чем трионт что-либо успел сообразить, он уже падал в пропасть.

Падение длилось недолго. Принц погрузился в воду, и мощное течение, подхватив его, понесло в неизвестном направлении. Стараясь держаться над поверхностью воды, Ваенфыц озирался по сторонам.

Это был узкий каменный коридор канализации, заполненный ледяной водой и разного рода нечистотами, несшейся с большой скоростью куда-то вперед. Вдобавок, здесь оказалось очень темно, так что трионт не имел ни малейшего представления, куда именно он попал.

Где-то вдали послышался шум. Впереди канализационная река стремительно падала с обрыва, со страшным звуком врываясь в новый водяной поток.

Ваенфыц вдруг отчетливо осознал, что не желает приближаться к источнику шума. Справа от себя он заметил каменный выступ. Неистово заработав руками, принц ухватился за его край и из последних сил сумел подтянуться и вскарабкаться на твердую поверхность.

Мужчина опустился на четвереньки и несколько раз откашлялся. Этот звук эхом отразился от каменных стен. Тело трионта била дрожь, он никак не мог согреться.

Однако оставаться здесь было нельзя. Ваенфыц поднялся на ноги и осмотрелся. Он стоял на огромной каменной площадке, уходившей далеко вперед и теревшейся где-то у основания высокой стены, излучавшей какое-то призрачное свечение.

Стоило трионту сделать шаг вперед, как по бокам площад-

ки загорелись факелы. Принц устремился к светящейся стене. По мере его приближения на ней стали появляться слова:

Никто не войдет в Сокрытую Грань вопреки моей королевской воле. Ступай прочь отсюда, путник, ибо будут прокляты те, кто попытается послушаться короля, и все их потомки.

Принц Ваенфыц остановился:

– Кто бы ты ни был, но ты уже давно не король.

Слова на стене исчезли, а вместо них возникли новые:

Пусть я давно как мертв, и тело мое истлело, но дух мой жив. И покада не спадет Великая Угроза, что сокрыта за этой стеной, он будет стеречь вход в Сокрытую Грань.

Темное искушение завладело Ваенфыцом, он вспомнил детские рассказы о первом трионтском короле, одолевшем злого духа. «Неужели он заточил его здесь? Мне нужен этот дух, чтобы осуществить все мои замыслы».

– Прости же мне мою дерзость, великий король трионтов! Я принц Ваенфыц, сын короля Муфбака и...

Ваенфыц осекся, на стене стали прорисовываться очертания двери. Вот она со скрипом отворилась, и из нее вышел старый трионт. Высок и строен, желтые глаза смотрели на гостя изучающе, как бы пытаясь понять его намерения. Одет

старик был в латные доспехи с гравировкой на груди в виде волны, освещенной лучами света.

– Так значит выходит, что мы родственники, – наконец произнес Гирумешоп. – Что же ты делаешь здесь, принц? Никому из смертных ранее не доводилось бывать здесь, потому что даже в книгах ничего не сказано об этом месте.

– Дело в том, что я случайно очутился здесь. Задел один из рыцарских доспехов и провалился сюда.

Гирумешоп молчал, продолжая пристально смотреть на дальнего родственника. Ваенфыц чувствовал, еще немного и старик догадается о его намерениях, а потому решил отвлечь вопросом.

– Для призрака ты слишком естественно выглядишь, как такое возможно?

– Это весьма просто, – отозвался шаман-колдун, – то, что ты видишь, всего лишь зримая оболочка. Это мой прижизненный телесный облик. При желании я могу его сменить и явить тебе свое истинное обличие.

Гирумешоп замолчал, призадумался, а через минуту снова заговорил:

– Думаю, ты понимаешь, что теперь у нас возникла маленькая проблема.

– Проблема? – Ваенфыц был обескуражен.

– Давай пройдемся, – бывший король сделал несколько шагов. – Видишь ли, я не могу пропустить тебя в Сокрытую Грань, равно, как и не могу отпустить тебя просто так.

– Это еще почему?

– Ты знаешь об этом месте, а это определенный риск, риск на который я не могу пойти.

– И что ты сделаешь? Убьешь меня?

– Нет, ну что ты, – Гирумешоп остановился у края обрыва, – в этом нет необходимости. Я погружу тебя в транс и очищу это место из твоей памяти, а потом перенесу тебя обратно во дворец, – сказал он, глядя на быстрое течение водяных потоков канализации.

– Лучше бы ты так не считал, лучше для тебя, конечно же. Прощай, старый безумец, – Ваенфыц с силой толкнул старика.

От неожиданности призрак в телесной оболочке потерял равновесие и упал в ледяные воды, проносащие мимо отходы обитателей дворца.

Спустя пару секунд после погружения, он осознал свою ошибку и одним прыжком очутился на площадке. Однако было уже поздно, Ваенфыц со всех ног мчался к открытой двери.

Гирумешоп выкрикнул заклинание, и шар огня устремился за убегающим принцем, но трионт уклонился и, ворвавшись в Сокрытую Грань, захлопнул за собой дверь. Великая Угроза пробудилась.

Вокруг была Пустота. Унылая и безжизненная, она навивала лишь тоску своей бесконечностью серых оттенков, проплывавших перед глазами в каком-то месиве.

Когда Ваенфыц захлопнул за собой дверь, зримый мир исчез, и трионт очутился в Сокрытой Грани, в том месте, куда Всевышний изгнал Изначальную Пустоту. Но вовсе не Пустота тревожила принца, а то зло, та Великая Угроза, что была заточена здесь.

– Кто здесь? Кто осмелился нарушить мое заключение? – прозвучал жуткий голос, подобный завыванию ледяного ветра, что гудит в пустых трубах.

Ваенфыц вздрогнул, озираясь по сторонам, но по-прежнему его взору представляли лишь бесконечные серые пятна.

– Я знаю, кто ты, – вновь заговорил голос над самым ухом трионта, отчего тот снова вздрогнул и, резко обернулся, но никого не увидел. – Я вижу насквозь твою прогнившую душу, твой темный разум и безжалостное, злобное сердце, жаждущее абсолютной власти. И мне это нравится.

– Кто ты? Где ты? Покажись! – Ваенфыц выкрикнув это, стал волчком вертеться вокруг и глядеть по сторонам, но все было безрезультатно.

Голос расхохотался.

– Перестань дергаться, как сумасшедший. Я все объясню.

Это место, где мы, собственно говоря, находимся – Сокрытая Грань. Сюда Всевышний изгнал Изначальную Пустоту, создав на ее месте Вселенную. Он отправил туда Великий Небесный Свет, дабы распространять добро, жалкое, на мой взгляд, зрелище.

Но мой Хозяин не мог с этим смириться, он был должен пустить корни зла в этом новом огромном мире, но у него не было подходящего сосуда, Сосуда Тьмы, в который бы он смог вылить воплощение своей воли – Застывшую Тьму. И вот однажды Хозяин узрел дочь трионтского короля и возжелал ее. Он отправил меня на Марс, дабы я завладел ею, но Гирумешоп разоблачил меня и заточил здесь, а свою дочь надежно спрятал. Хозяин был недоволен мной, а потому не стал вмешиваться и оставил меня здесь в наказание.

Так вот, я предлагаю тебе сделку. Ты позволишь мне вселиться в тебя, и тогда я смогу увидеть выход из этого места. И еще: ты отдашь мне твою сестру. Взамен же я наделю тебя сверхспособностями и помогу получить абсолютную власть на красной планете.

– Я согласен, – без малейших колебаний произнес Ваенфыц.

Он почувствовал, как что-то внедрилось в его тело, расплзлось внутри, подчиняя своей ужасной воле, а затем он ощутил некое присутствие у себя в голове.

– Но все же, кто ты?

– *Герш, что значит лучший!*

Герш сдержал свое слово, стоило Ваенфыцу только подумать о выходе, как он увидел все ту же светящуюся стену, а в ней дверь.

На площадке никого не было.

– Где же старик? Может, прячется и выжидает удобного случая для нападения?

– Он больше не может находиться здесь, ты проник в Сокрытую Грань супротив его воли, тем самым сломив ее, а значит, ничто больше не удерживает его дух в мире смертных. И, поздравляю, ты теперь проклят.

Проклятый принц подошел к краю обрыва и, подняв высоко руки над головой, расхохотался. Он чувствовал, как его переполняет темная сила, а значит, настал его час, час истребления и смерти...

Эпоха трионтов приблизилась к своему концу.

Ваенфыц прибывал в задумчивости, вернее это Герш о чем-то думал, но поскольку трионт и дух стали едины, эмоции и состояние одного передавались другому. Закрывшись у себя в покоях, принц остался наедине с собой и своим но-

ВЫМ ДРУГОМ.

– Ха-ха! Твоей милой сестренкой я займусь потом, а пока предлагаю повеселиться. Знаешь ли, столь долгое пребывание в пустоте истощает. Теперь я должен восполнить свои темные потребности. Ух! Веселье будет на славу! Весь Марс окажется у твоих ног, а ты станешь основателем новой расы и ее единственным правителем.

– Не понимаю, о чем ты?

– Ты проклят, твои потомки прокляты, и все трионты тоже прокляты. Это мое проклятие, и оно видоизменит вас. Не станет больше трионтов, а будут новые, лучшие, во всех отношениях, существа, наделенные сверхспособностями: контроль разума, телекинез, перевоплощение и даже способность буквально растворяться в воздухе.

– Но как?

– Ты освободил меня и позволил произнести мне свое имя.

– Мне это нравится

– Превосходно. Теперь же надо избавиться от мешающих нам обстоятельств: Ходящий во Тьме и твой младший брат. Пожалуй, я могу прямо сейчас их уничтожить.

– Постой, постой. Торопиться не надо. Предоставь это мне, я все обыграю в лучшем виде. Пусть они помучаются, а мы получим от этого удовольствие.

В комнате было темно. Задернутые на окнах шторы и потушенные канделябры говорили, что ее обитатель спит. Действительно на узкой вытянутой койке, заправленной выдавшей и лучшие времена простыней, под рваным пододеяльником, из которого торчало само одеяло, словно начинка из пирога, спал трионт, опустив голову на замызганную, всю в пятнах подушку.

Дела королевской службы заставили Ходящего во Тьме отлучиться из столицы, а по их завершению он попросту не успел вернуться обратно. Вот почему главный шпион принял решение заночевать в ближайшем придорожном постоялом дворе, чтобы рано утром отправиться в путь.

Прямо из воздуха посреди комнаты возник силуэт. Злоумышленник осторожно ступая, прокрался к изголовью кровати. Из-под полы своего одеяния он достал топор. Самодовольная улыбка проступила на лице убийцы, трионт взмахнул и с силой обрушил лезвие на шею спящего.

В одно мгновенье Ходящий во Тьме лишился головы, не издав при этом ни звука. Кровь фонтаном залила все вокруг: постель, прикроватную стену, пол, орудие убийства и самого нападавшего.

– Ну вот, теперь-то Ходящий во Тьме навсегда отправился в тень, – довольно произнес Ваенфыц. – Веселье только

начинается.

Проклятый принц небрежно сбросил обезглавленное тело своей жертвы на пол. Благодаря Гершу он теперь обладал рядом новых уникальных способностей. Трионт-убийца взглядом поднял голову Ходящего во Тьме в воздух напротив себя, затем он обмакнул пальцы в лужу крови на полу, подобно тому, как макают кисти в краску, и принялся выводить что-то на лбу несчастного.

Покончив с этим, Ваенфыц опустил отрубленную голову на кровать и завернул ее в простыню, словно в мешок.

– Знаешь что, Герш? Раньше я думал, что люблю мучить других, причинять им боль и смотреть, как они страдают, но теперь понимаю, что обожаю убивать.

– А как насчет того, чтобы убивать долго и мучительно, обрекая жертву на часы страданий, полные страха, криков, боли и агонии?

– Мой дорогой друг, ты открываешь во мне новые и новые таланты.

Безумец Ваенфыц коснулся родинки за левым ухом и растворился в воздухе.

На следующее утро служанка по обыкновению принесла в королевские покои корзинку с фруктами и, поставив ее на стол, после почтительного поклона удалилась прочь.

Муфбак поднялся с постели, потянулся, несколько раз зевнул и подошел к столу. Король снял с корзинки плетеную крышку и в ужасе от увиденного попятился назад, запнулся и упал.

Из глубины корзины на него смотрела застывшими от ужаса глазами, голова Ходящего во Тьме, а на лбу была отчетливо выведена кроваво-зеленая надпись: «ТЫ – СЛЕДУЮЩИЙ!»

Внезапно отрубленная голова поднялась в воздух и, застыв напротив сидевшего неподвижно Муфбака, прошипела:

– ТЫ – СЛЕДУЮЩИЙ! СЛЕДУЮЩИЙ! СЛЕДУЮЩИЙ!

Затем заколдованная злым духом часть тела Ходящего во Тьме упала на пол и, вспыхнув ярким, обжигающим пламенем моментально сгорела дотла.

Желаемый эффект был достигнут – король был запуган. Теперь злодеям оставалось решить судьбу Сапирмута.

Ваенфыц сидел в мягком удобном кресле, закинув ногу на ногу. В руках он держал свою излюбленную деревянную палку, ту самую, которой обожал наказывать провинившихся слуг.

Напротив него стояла, дрожа от страха и всхлипывая, мо-

хочешь.

Служанка перестала дрожать и всхлипывать, на какое-то время она затихла, только в застывших глазах читался ужас.

– Но! Я не буду опускаться до подобной низости и мерзости, ибо ты мне не ровня. Но, опять же, возникает это самое «но». Как же тебя, скажи на милость, наказать?

Трионт остановился напротив девушки, взял ее правой рукой за подбородок и приблизился к ее лицу.

– Такое милое личико, а воровка. Скажи мне, – принц отпустил девушку и вновь принялся расхаживать вокруг нее, – знаешь, как наказывают за воровство? Нет? Что ж, я тебя просвещу. За кражу у простого безродного трионта, вроде тебя, вору отрезают один палец. Если же он вновь попадетсся, то два пальца. И так пока пальцы не закончатся. Если же вор обворовал знатного трионта, ему отрежут руку, ну и так далее. Знаешь, бывали случаи, когда преступникам вообще отрезали все, что только можно отрезать: пальцы на руках и ногах, уши, вырывали зубы, ноздри, выкалывали глаза, отрубали конечности. Все это стародавние дикости. А как поступить сегодня с вором обворовавшего королевскую персону? Закон гласит, что за такую наглость он должен быть подвергнут смерти. Что ж, я не настолько жесток, как ты, возможно, думаешь, я могу быть гораздо хуже. Думаю, на первый раз я тебя прощаю, а потому ты получишь всего лишь триста ударов деревянной палки.

И не произнеся больше не слова, принц обрушил первый

удар на спину испуганной и беззащитной девушки. Трионтка этого не ожидала, а потому громко вскрикнула, слезы сильней побежали из глаз, а она сама упала, больно ударившись коленями, на которые опустилась.

Ваенфыц снова ударил ее по спине. На этот раз боль была настолько острой, что бедняжку подкосило, и она целиком рухнула на пол, не в состоянии даже сделать хоть малейший вдох.

Садист-принц начал входить во вкус, довольная улыбка появилась на его лице. Он пнул три раза девушку в живот и выкрикнул:

– Подымайся, дрянь, подымайся! Ты должна стоять, когда я наказываю тебя.

Несчастливая пошевелилась и слегка приподнявшись, стала на четвереньки. Перед глазами все мерцало и плыло, а где-то внутри стало зарождаться чувство тошноты. С огромным усилием она все же поднялась во весь рост, но тут же оступилась, и именно это спасло ей жизнь, потому что как раз в тот самый момент негодяй Ваенфыц замахнулся и произвел новый удар, но промахнулся, едва только черкнув девушку по руке.

Собрав остаток сил, служанка резко развернулась и побежала по узкому коридору. Принц, быстро осознав свою ошибку, бросился вдогонку.

– Вернись, дрянная девчонка, а то хуже будет!

Девушка никак не реагировала и продолжала бежать насколько позволяли силы, которых, как она чувствовала, осталось немного.

Коридор резко заворачивал влево, беглянка повернула, она так спешила, что не заметила вышедшую ей навстречу королеву, а потому налетела на нее.

Минрапу буквально поймала девушку, бедняжка вцепилась в платье королевы и сквозь слезы в голосе, умоляюще произнесла:

– В-в-ваше Величес-с-ство, прошу, защитите, я-я-я-я ни в чем не виновата!

Разъяренный и слегка запыхавшийся Ваенфыц ничуть не смутился присутствием королевы. Злость не сходила с его лица.

– Ступай к себе, дитя, – произнесла королева Минрапу.

Служанка быстро поклонилась и убежала прочь.

– Что здесь происходит, Ваенфыц?! – явно недружелюбным тоном осведомилась Минрапу. – Ты снова занимаешься истязанием наших слуг?

Принц лишь ухмыльнулся:

– Закрой рот, падшая женщина, и не стой у меня на пути. Да, я знаю, кто ты и где твое место. Такая же прислуга, вроде той, что сейчас ты отпустила, только я все равно ее убью, и ни ты, и никто мне в этом не помешает. Думаешь, раз отец тебя обрюхатил, а ты родила ему этого выродка, это делает тебя королевой? И не мечтай! Вот увидишь, как только я ста-

ну править, ты вернешься на свое истинное место, туда, где тебе и положено быть, и вот тогда я уж точно позабавлюсь с тобой. Не вздумай сказать отцу об услышанном, а то ведь хуже будет. А пока наслаждайся жизнью, чернь, – Ваенфыц плюнул в сторону женщины и зашагал прочь.

Теперь ему было не важно, скажет Минрапу Муфбаку об услышанном или нет. Короля все равно не было сейчас во дворце, а уже к утру «королева» будет пребывать в молчании до окончания этого огромного вселенского мира. У безумца возник план.

Следующим утром стражники ворвались в спальню Сапирмута. Следом за ними в покои юного принца вошел Муфбак в сопровождении Ваенфыца. Солдаты схватили спящего Сапирмута и бросили на пол.

Молодой трионт тут же вскочил, мотнув спросонья головой, пытаясь понять, что происходит, но чья-то рука с силой вновь опустила его на пол.

Король Муфбак со злобой и отвращением посмотрел на младшего сына.

– Обыскать! – велел он страже.

Двое солдат остались возле сидящего и мало что понимающего принца, а остальные, разбрелись по комнате, переворачивая все вокруг.

– А в чем дело? Отец, что тут происходит? – Сапирмут с явным недоумением смотрел по сторонам, наблюдая, как стражники наводят беспорядок, целенаправленно уничтожая его вещи.

Шум, царившей в помещении суматохи, заглушил его вопрос.

Вот со стены был сброшен портрет королевы Минрапу. Ударившись об пол, рамка картины треснула, стекло выпало и разбилось, а сам рисунок, подхваченный порывом воздуха, подлетел к Сапирмуту и опустился возле него. Он поднял его и внимательно посмотрел.

Минрапу улыбалась и, казалось, ее лицо лучилось от переполнявшего ее счастья. С портрета на сына смотрела живая королева, в действительности же она была мертва.

Сапирмута не покидало нарастающее чувство тревоги, он перевел взгляд на отца, Муфбак с прежним отвращением взглянул на сына и отвернулся.

Наконец стражники добрались до шкафа с одеждой, что стоял у дальнего окна и, открыв его, принялись выбрасывать на пол содержимое.

– Ваше Величество, – произнес солдат, – кажется, нашел.

Муфбак и Ваенфыц подошли ближе. Внизу шкафа лежал топор с засохшими следами крови на нем, а рядом повседневная одежда Сапирмута – его любимые мягкие суконные штаны и такая же рубашка, перепачканные кровью. В самом углу была обнаружена окровавленная простыня, в которую

было завернуто что-то круглое.

Король молча кивнул, стражник взял простыню и, опустив ее перед Сапирмутом, развернул. Трионт в ужасе откинулся назад и забормотал нечто неразборчивое.

Взору всех собравшихся предстала отрубленная голова королевы Минрапу.

Муфбак сделал глубокий вдох и произнес:

– Принц Сапирмут, вы обвиняетесь в убийстве своей матери, королевы Минрапу, и главы королевской секретной службы – Ходящего во Тьме, а так же в покушении на вашего отца короля Муфбака. Вы признаете себя виновным?

Сапирмут с полными ужаса глазами переводил взгляд то на отца, гневно и ненавистно глядящего на него, то на отрубленную голову матери. «Что здесь происходит? – этот вопрос постоянно возникал в голове принца. – Все это только тебе снится. Это сон и не больше... страшный такой сон... кошмаром обычно называется... сон, ты спишь, сейчас проснешься, и весь ужас улетучится».

Юный принц зажмурился и несколько раз мотнул головой, но когда он снова открыл глаза, перед ним вновь была все та же, полная страха картина.

– Нет, нет, нет, этого не может быть, – пробормотал он и опустил взгляд. – Она жива, жива, вы слышите? ЖИВА! Все это только глупый розыгрыш.

Трионт посмотрел на окружающих, выражения их лиц оставались по-прежнему злобными и суровыми. Он поймал

на себе взгляд Ваенфыща. Самодовольная улыбка отразилась на его лице, и он незаметно для остальных подмигнул брату.

– Значит, не признаете, – вновь заговорил Муфбак. – Что ж, судебное разбирательство будет назначено позднее, а сейчас увести его.

Один из стражников с силой ударил принца по голове, тот покачнулся и упал, теряя сознание.

Запах сырости, затхлости, плесени, перемешанный с запахами испражнений, заставил Сапирмута прийти в себя. Он открыл глаза, откуда-то сверху просачивался тусклый свет. Голова болела, а от стоявшей вокруг духоты и вони у трион-та сработал рвотный рефлекс.

Принц еле успел подняться с соломы, брошенной кем-то на пол, и отойти в угол камеры к решетке, как его, буквально, вывернуло наизнанку.

Отдышавшись, он вернулся обратно и, сев на ту же солому, осмотрелся.

Камера темницы, расположенной в подвальных помещениях дворца, представляла собой небольшой прямоугольник, огороженный с трех сторон решетками, а с четвертой стороны – капитальная стена, в верховьи которой было прорезано небольшое узенькое оконце.

Настроение принца оставалось подавленным. Обида, го-

речь и отчаяние смешались в нем. Кто-то убил его мать, а самого Сапирмута сделал виновным.

– Тсс.

Сапирмут обернулся, возле решетки стояла Налигуна. Вид у нее был напряженный, глаза возбужденные, а волосы, убранные в хвост, растрепались и теперь свисали в разные стороны. Девушка постоянно озиралась по сторонам, опасаясь того, что ее могут заметить.

– Налигуна, что ты здесь делаешь? – спросил Сапирмут, подходя ближе.

Внезапное появление сестры заставило его на время забыть о своих мрачных мыслях.

– Тс, – трионтка приложила палец к губам и произнесла уже шепотом, – я пришла проведать тебя, но если меня тут застукает стража, будут неприятности. Как ты?

– Спасибо, – Сапирмут выдавил вялую улыбку, – бывало, и лучше.

– Послушай, – все так же шепотом произнесла, – я знаю, что ты невиновен.

– Откуда?

– Ваенфыц подставил тебя.

– Что? Ваенфыц? Но зачем? То есть это он убийца?

– Полагаю, что да. И нечему тут удивляться, ты же знаешь, как он издевается над слугами. Так вот, я засиделась в библиотеке допоздна и возвращалась к себе уже за полночь. В коридоре у твоей спальни я услышала шаги. Я быстро спря-

талась за рыцарские доспехи, и как раз вовремя, мимо меня прошел Ваенфыц. Он прошел мимо окна и в падающем звездном свете, я заметила, что одет был он в твою одежду и, перекинув через левое плечо, нес что-то окровавленное. После этого он скрылся в твоей спальне, а когда вышел обратно был уже в своем обычном облачении.

– Расскажи об этом отцу.

– Ваенфыц уже запутал его своей ложью, боюсь, он не станет меня слушать, к тому же женщины в нашей семье лишены права голоса.

– Это нелепица, от которой следует избавиться.

– На самом деле, – тут девушка выдержала небольшую паузу, – я пришла, чтобы проститься. Я чувствую, что во дворце становится опасно, наш брат ввязался во что-то страшное и по-настоящему темное, от него исходит зло. Сегодня ночью я покину дворец.

– И куда же ты отправишься?

– Помнишь о Диких Садах, про которые я тебе рассказывала? Думаю, что смогу отыскать путь к ним.

Если раньше Сапирмут бы засмеялся над подобной затеей сестры, сославшись на то, что это просто глупые сказки, то теперь что-то глубоко внутри него было абсолютно уверенно в том, что у Налигуны все получится.

– Будь осторожна, дорогая сестренка.

Девушка заплакала, слезы тонкими ручейками бежали из ее зеленых глаз.

– Не думала, что придется сказать это так скоро, – Налигуна приблизилась вплотную к решетке, протянула меж ее прутьев руки и обняла брата. – Прощай, Сапирмут, мой дорогой и бесконечно любимый младший брат.

Она отпустила трионта и, развернувшись, направилась к выходу.

– Налигуна, – негромко позвал ее принц, – спасибо за все.

Трионтка обернулась, быстро подбежала к нему, еще раз обняла и, уже не скрываясь, рыдая, отправилась прочь.

Глава 3

Пленники Теазнорпа

Давно известная истина: на свете нет ничего хуже поражения. Особенно если ты не пал, сражаясь, а угодил в плен и вынужден видеть, как ликует победоносное зло

Борис Акунин

Муфбак стоял, облокотившись на перила балкона, и смотрел на крыши городских домов, в хаотичном порядке разбросанных далеко вплоть до линии горизонта.

– Что с телом? – спросил король стоявшего рядом Ваенфыца.

– Сильно изуродовано, отец.

– Распорядись, чтобы его тайно кремировали.

– А как же похороны? Официальное захоронение?

– Используем пустой гроб, – тут Муфбак осекся. Его голове внезапно посетила мысль, мысль, как он думал, его собственная, но это Ваенфыц сделал незаметный мысленный посыл, внушая необходимое решение. – Судебного разбирательства не будет. Мы похороним Сапирмута в пустом гробу. Правда, есть одно «но».

– В чем дело? – осведомился принц.

– Несмотря на все, что он сделал, он все же остается моим сыном, я не хочу, чтоб он мучился.

– У тебя доброе сердце, отец. Предоставь это мне, и уже завтра утром можно будет проводить похоронную процессию.

– Хорошо. И еще одно. Никто не должен знать истинной причины смерти королевы. Официально она умерла от естественных причин.

– А те, кто уже знают?

– Устрани их. Да, и отправь гонца к Азун-Ти-Монгу с искренними соболезнованиями, но только такими, чтобы он не вознамерился заявиться сюда.

– Будет исполнено, отец.

Чья-то тень мелькнула на фоне балконной двери и быстро устремилась прочь. Но не Муфбак, ни Ваенфыц этого не видели.

Вечер наступил незаметно. Тусклый дневной свет, просачивающийся через небольшое узенькое оконце, совсем померк, и в камере темницы воцарился полумрак. Лишь где-то в коридоре плясали тени, отбрасываемые пламенем, горящего над постом тюремщика, факела.

Сам же тюремщик, изрядно напившись, теперь похрапывал, со свистом втягивая в себя воздух. Но Сапирмуту не было до всего этого дела. Его мысли находились далеко за пределами этой камеры и, хаотично сменяя друг друга, балан-

сировали между воспоминаниями о матери и сестре и раздумьями о случившемся преступлении.

Ваенфыц появился посреди камеры прямо из воздуха. Он с раздражением оглянулся по сторонам, поморщил нос и, посмотрев на младшего брата, улыбнулся, смакуя в душе его несчастья.

– Не правда ли прекрасный выдался вечер? – с издевкой в голосе осведомился Ваенфыц.

Сапирмут вернулся в реальный мир, и только сейчас заметив брата, собрался было накинуться на того.

– Нет, нет, нет, – злодей увернулся и тут же одним только взглядом поднял нападавшего вверх, а затем отбросил к стене, где по воле неведомых сил что-то его удерживало.

– Расставим все по своим местам...

– Ты! – Сапирмут перебил брата. – Ты убил ее!

– АХА-ХА! – рассмеялся убийца, нагло глядя в глаза Сапирмуту. – Не велика честь в убийстве прислуги. Я просто расставил всех по местам. А твое место здесь, выродок. Не делай непонимающих глаз, ох, – негодяй с явной досадой вздохнул. – Ладно, нечестивый плод страсти моего отца, слушай внимательно. Я расскажу тебе правду, ведь ты все рано будешь мертв уже к утру.

Моя мать, истинная королева, умерла, и отец вознамерился жениться на приемной дочери раца гевридломов Азун-Ти-Монга Потерянной Княжне Чирте Фенгу. Но дурное желание ударило ему в голову, и он, завладев одной из служа-

нок, обрюхатил ее, а спустя время, она родила тебя, дорогой мой выродок. Чтобы скрыть эти факты, отец тайно отправил Чирту в Теазнорп, где она до сих пор пребывает в заключении, а твою дрянную мать выдал за нее, взяв в жены.

– Ты врешь!

– Можешь не верить мне, это твое право.

– Зачем ты убил мою мать?

– Чтобы избавиться от тебя. Видишь ли, я тебя ненавижу и призираю. Я не мог больше терпеть низость и мерзость твоего происхождения. А Ходящего во Тьме я убил, чтобы подобраться к королю, стать его негласным советником, направлять его и принимать за него решения.

– Ты – безумец!

– Нет. Я – воплощение чистого зла! Но хватит откровений. Тебе пора собираться в последний путь.

Ваенфыц отвел свой взгляд в сторону от брата, и тот рухнул вниз, ударившись головой об пол, и потерял сознание.

Негодяй взглядом взломал замок камеры, затем поднял бесчувственное тело Сапирмута и, закинув его на плечо, коснулся родинки за левым ухом. Став невидимым для посторонних глаз, он направился к выходу.

Предстояло еще поместить тело в гроб.

Налигуна переделалась во все черное. Свое привычное по-

вседневное платье она сменила на обычные кофту и штаны, поверх которых девушка надела плащ с капюшоном.

Ровно в полночь принцесса покинула спальню и, осторожно ступая и выглядывая из-за каждого угла, отправилась в путь. В свете недавних событий дворец и прилегающая к нему территория усилено охранялись, а, следовательно, нельзя было допустить, чтобы стража заметила ее.

Благополучно добравшись до холла, Налигуна спустилась по лестнице в подвалы дворца. Перед ней находился темный, ничем не освещенный коридор с множеством разных дверей.

Внезапно впереди послышались чьи-то громкие и тяжелые шаги. Присмотревшись, девушка увидела двух стражников с факелами в руках, идущих ей навстречу. Она быстро спряталась за ближайшим поворотом, и только когда солдаты скрылись из виду, вновь вернулась в главный коридор.

На ее счастье больше ей не повстречалась ни одна живая душа, а потому девушка без особых препятствий отыскала нужную дверь. «Королевский гробовщик» – сообщила табличка.

Налигуна легонько толкнула дверь, та, страшно заскрипев своими несмазанными петлями, отворилась, приглашая войти. Внутри было еще темней, чем в коридоре, принцесса на что-то натолкнулась, и это что-то с грохотом повалилось на пол.

Послышалась ругань, затем раздались звуки ударов камня о камень, выскочила искра, и в свете наставленного на нее

факела трионтка увидела суровое лицо гробовщика.

Оказалось, что принцесса задела в темноте чей-то гроб, и крышка его упала на мастера, спавшего у своего рабочего верстака.

– Принцесса, эм? – слегка удивился трионт, разглядев, кто находится перед ним. – Простите мне мою ругань. Но что привело вас сюда в такой час?

– Пришла снять мерки, – бросила девушка первое, что пришло в голову.

– Хотите заказать гроб ик... м? – оживился специалист в данной области, и при этом так сильно выдохнул, что принцессу обдало неприятным запахом перегара. – А для кого, если не секрет?

– Для вас! – Налигуна схватила, лежавшую на верстаке деревянную киянку и со всей силы стукнула гробовщика по голове.

– Ой! – мастер похоронного дела покачнулся и свалился на пол, роняя факел, который трионтка успела поймать.

– Хорошего отдыха, – проговорила девушка и, подобрав упавшее рядом с гробовщиком огниво, направилась вглубь помещения и скрылась в следующем зале.

Здесь повсюду стояли уже готовые гробы, отчего становилось очень жутко. Красные и черные деревянные апартаменты для покойников располагались на небольших каменных возвышениях с открытыми крышками, словно приглашали всех желающих прилечь отдохнуть в их, обитых мягкой тка-

нью, объятиях.

В центре зала стояла единственная домовина с опущенной крышкой, на которой был вырезан королевский герб, а под ним надпись:

Королева Минрапу. Урожденная Потерянная Княжна Чирта Фенгу (175—1932г.). Светлая память и вечный покой

Немалых усилий пришлось приложить Налигуне, чтобы сдвинуть крышку. Внутри, как и предполагала принцесса, лежал, не подавая признаков жизни, Сапирмут, весь бледный, с плотно закрытыми глазами.

«Надеюсь, я не опоздала», – подумала девушка.

– Эй, Сапирмут, – негромко позвала брата сестра.

Принц никак не отреагировал. Тогда трионтка принялась тормошить его, светя факелом в лицо. Все было безрезультатно.

– Нет, – тихо произнесла Налигуна, и слезы покатились из глаз, – нет! Ты не умер!

Но юный трионт по-прежнему лежал неподвижно. Девушка села прямо на пол, облокотившись спиной о постамент, и заплакала.

Вдруг она услышала позади себя протяжный глубокий вздох. Принцесса резко поднялась на ноги и, обернувшись, увидела сидящего в гробу Сапирмута, который пытался откашляться.

– Налигуна? Но что ты здесь делаешь? – справившись с одолевшим его недугом, Сапирмут заметил стоявшую рядом сестру.

– Живой, – дрожащим голосом произнесла она и крепко-крепко обняла его. – Видишь ли, мои планы немного изменились, – произнесла девушка.

– Я не понимаю...

– Сейчас не лучшее время для рассказов и объяснений, – перебила его сестра. – Давай-ка выбираться отсюда, если нас тут застукают – вдвоем в одном гробу будет тесновато.

Сапирмут молча кивнул и, подтянувшись на руках, выбрался наружу. Затем они опустили крышку домовины на ее прежнее место.

– Здесь повсюду стража, – пробормотала Налигуна, – так что единственный вариант сбежать – это добраться до монумента короля Гирумешопа. Под ним должен быть спрятан вход в подземный тоннель. Я читала об этом в одной из библиотечных книг.

– Придется пройти через парк.

У правой от входа в зал стены имелось небольшое подвальное окно, которое на счастье беглецов, было открыто. Потушив факел, Сапирмут подтянулся и первым выбрался, после чего подал руку сестре.

Теплая летняя ночь опустилась над парком. Именно сюда и попали трионт и трионтка. Укрывшись в тени высокого дерева, Сапирмут и Налигуна затаились, ожидая пока ми-

мо пройдет очередной караул. Навстречу караулу шли два офицера стражи. Они остановились прямо напротив дерева, за которым прятались принц и принцесса.

– Кто бы мог подумать, – донесся до беглецов голос одного из офицеров, – что убийцей окажется Сапирмут. С виду такой спокойный, дружелюбный парень.

– Ха! – отозвался второй. – Внешность, как известно, друг мой, обманчива, а все психопаты с виду самые обычные граждане. А этот принц, скажу я тебе, точно психопат. Убить собственную мать, да еще каким зверским способом, и при этом голову ее хранить у себя в шкафу. Вот что она ему этому сопляку, бедная королева, сделала?

– А вдруг это не он?

– Это еще почему?

– Да странно как-то то, что и топор в крови, и окровавленная одежда, и отрубленная голова лежали в его шкафу, словно ждали, когда их найдут. Разве не было бы логичным скрыть или же уничтожить улики? Что-то, на мой взгляд, тут не вяжется, а вдруг его просто подставили, а убийца сейчас бродит где-то на свободе?

– Да не, – возразил второй офицер, – он это, тут и думать нечего. А что на счет улики, да-к ведь говорю же, психопат он. Ну, забыл или же просто не хотел их прятать, кто его разберет, чего у него башке творится.

– Все равно как-то странно...

– Слушай, я тебе совет один дам, ты эти свои соображения

и сомнения при себе оставь. Раз принц Ваенфыц сказал, что он виновен, значит так тому и быть.

– Ваенфыц? При чем здесь он? – не понял первый офицер.

– Принц назначен новым начальником секретной службы короля. Думаю, ты знаешь, как работают шпионы. Так вот, если они вдруг случайно донесут ему о твоих мыслях, ты на личном примере познакомишься с его тяжелым и жестоким нравом. Ладно, хватит разговоры разговаривать, пойдем, обход сам не завершится.

Оставив позади парк с его скверами и прудами, Налигуна и Сапирмут наконец добрались до небольшого холма, где в полный рост наблюдал за своими прежними владениями монумент Гирумешопа.

Он был высок и строен, с гордо поднятой головой. Каменное сооружение с точностью повторяло латные доспехи короля с гравировкой на груди в виде волны, освещенной лучами света. У ног памятника лежал ограненный камень правильной формы, на котором была выдолблена надпись:

Великий король трионтов, шаман-колдун, рожденный из Воды и Света, Гирумешоп (25 – 35 гг.). Защитник и просветитель своего народа. Честь, слава и вечная память

– Ты не находишь странным, что он прожил так мало?

– Это годы правления, – отозвалась сестра. – И насколько я знаю из истории, Гирумешоп уже был старцем.

Сапирмут несколько раз обошел памятник, ища глазами что-нибудь, что бы могло указывать на скрытый вход в подземный туннель. Так ничего и не увидев, он подошел к сестре, внимательно всматривавшейся в гравировку на груди монумента.

– Я ничего не вижу, – проговорил Сапирмут, – где здесь, по-твоему, может быть вход?

– Гирумешоп был шаманом-колдуном, а значит, никому просто так не отыскать этот туннель.

Налигуна приблизилась к памятнику Гирумешопа и нажала прямо на гравировку. К ее не малому удивлению, она с легкостью поддалась и с тихим щелчком углубилась внутрь. В тот же миг холм заволокло голубоватой дымкой, которая постепенно стала заполнять пространство между Гирумешопом и трионтами, а потом и вовсе приобрела формы лица, лица шамана-колдуна.

Лицо внимательно посмотрело на беглецов, о чем-то задумалось на минуту и, наконец, произнесло:

В грядущей тьме дорогу к Свету
Найдет лишь только тот трионт,
Кто, не смотря на беду эту,
Отыщет под землей кобальт

Дымка рассеялась. Брат и сестра переглянулись.

– Ты что-нибудь понял? – спросила Налигуна после небольшой паузы.

Сапирмут лишь отрицательно покачал головой. «Кобальт, причем здесь вообще кобальт?» – подумал он и тут вдруг заметил, что монумент видоизменился. От груди и до области паха вместо камня зияла чернота.

– Думаю, его слова были неким посланием, а вот это, – трионт указал на образовавшуюся черноту, – вход.

Чирта лежала на кровати и смотрела в потолок. Взор ее затерялся где-то посреди бесконечного океана белой окраски. Она мысленно пребывала совершенно в другом месте.

За минувшие восемь лет девушка свыклась со многими вещами: с тем, что каждый день в одно и то же время ей приносили завтрак, с тем, что она свободно могла перемещаться по крепости и, наконец, с тем, что каждый новый день ее жизни был похож на предыдущий. Завтрак, прогулка, чтение книг в библиотеке, обед, тайная встреча с Мон-Ти-Монгом, еще одна прогулка по крепости, ужин и время сна. Единственное, с чем Чирта не смирилась, было предательство короля Муфбака, который заманил ее к себе во дворец, а потом заточил в стенах Теазнорпа, лишив свободы. Ну, заточил, это было сильно сказано. Фактически княжна пользовалась

всеми почестями и привилегиями, положенными ей по происхождению. Она была «Арестованной Хозяйкой» (так называли ее стражники) и могла делать все что угодно, естественно с одобрения коменданта, за исключением двух вещей: покидать пределы крепости и, следовательно, общаться с внешним миром.

Мон-Ти-Монгу повезло гораздо меньше, потому что на него не распространялось королевское снисхождение, а поэтому сына раца гевридлов поместили в темницу, где держали наряду с другими политическими заключенными, негодными для режима Муфбака.

Чирта тайно от коменданта навещала своего брата. Правда такая возможность ей предоставлялась не всегда, а только в смену, когда у камер с арестантами дежурил ее приятель Куфа.

Куфа был единственным стражником, с кем княжна общалась, и даже, в какой-то мере, могла считать своим другом. За все время, что Чирта навещала брата, Куфа ни разу не прогнал ее и ни разу не доложил об этом командиру гарнизона или коменданту крепости, тем самым он заслужил доверие девушки.

Первое время после своего заключения Чирта думала, что пребывание в Теазнорпе отрицательно скажется на ней, девушка боялась, что ее будут преследовать воспоминания. Но как оказалось на деле, все вышло не так уж и страшно. Трионтка плохо помнила своего отца, а так же детские годы,

прожитые здесь, но она отчетливо помнила одно – раньше Теазнорп был другим.

Крепость построили в годы правления Гирумешопа. В его каменных стенах располагались часовня, Высший Ученый Совет и крупнейшая на Марсе библиотека, в которой находились свитки и книги, хранящие на своих страницах страшные тайны, чудовищные ритуалы, позволявшие в умелых руках достичь могущества, а в руках ненадлежащих, способные повлечь гигантские разрушения. Последователи шамана-колдуна на протяжении десятилетий хранили и оберегали эти знания. Так продолжалось до тех пор, пока его прямые потомки по женской линии правили королевством трионтов.

Последним прямым потомком Гирумешопа была королева Симвана. Она вышла замуж, и барон Муфбак стал королем, но реальной политической силы в государстве он не имел. Однако спустя несколько дней после пятого дня рождения принцессы Налигуны, королева умерла. Муфбак, воспользовавшись ситуацией, изменил закон, установив патриархат и отстранив женщин от управления, лишил их права голоса. Сразу после этого он превратил крепость Теазнорп в королевскую крепость-тюрьму, куда ссылались все политические заключенные.

Чирта села на кровати, поправила волосы.

Стоило принцу и принцессе пройти сквозь возникший в статуе проход, как они очутились в освещенной каменной зале.

– И что теперь? – спросил Сапирмут, глядя на сестру. – В твоей книжке было хоть что-то сказано, куда ведет этот ход?

– Я не знаю. Но, по крайней мере, мы выбрались и все еще живы.

– Верно. А пока мы не решили, что делать дальше, давай поговорим, думаю, нам обоим есть, что друг другу сказать.

Налигуна кивнула в знак согласия.

Сапирмут рассказал сестре обо всем, что узнал от Ваенфыца.

– А ты не думал, что он соврал тебе? – спросила девушка.

– Думал, но теперь я почему-то уверен, что он сказал правду. Ведь он говорил это, зная, что я буду мертв, – юный трионт призадумался на минуту. – Да и вообще, тебе, наверное, не следовало так рисковать из-за меня. Ведь я, как оказалось, никто, и моя мать, никакая не княжна, а обычная служанка.

Он отвернулся от сестры и, низко опустив голову, старался сдержать выступившие на глазах слезы. Почему-то только сейчас, недавно открывшаяся ему правда так обидно и горь-

ко обожгла душу.

Налигуна подошла к нему и, прижав к себе, крепко-крепко обняла.

– Глупый, – нежным голосом произнесла она, глядя его по голове. – Разве это имеет значение? Лично для меня – нет! Ты – мой славный младший брат, и я люблю тебя таким, какой ты есть. А твоя мать, пусть даже и не высоких кровей, но она была прекрасной, любящей матерью и доброй женщиной. Ваенфыц поплатится за то, что с ней сделал!

Они немного помолчали, и Налигуна рассказала брату о том, что решила поговорить с отцом. Она направилась в его покои. Войдя в комнату, девушка увидела неплотно закрытую дверь. Подойдя ближе, услышала разговор Ваенфыца и отца, из которого узнала, что тело покойной королевы будет сожжено, а Сапирмута живым похоронят в закрытом гробу.

– Тогда я и решила тебя спасти, – проговорила принцесса, – но чтобы не было подозрений, я дождалась полночи и проникла в комнату гробовщика.

– А как же твое исчезновение? – Сапирмут вопрошающе посмотрел на сестру, – ведь очевидно, что твое отсутствие заметят уже утром.

– Я все продумала и оставила в своей комнате предсмертную записку, в которой говорится, что я намериваюсь утопиться в ближайшем пруду. Что ж, раз уж мы с тобой оба числимся в покойниках, значит, никто не станет нас искать,

а поэтому предлагаю двигаться вперед и выяснить, куда же ведет этот подземный ход.

Ваенфыц стоял на берегу пруда и смотрел в воду. Мутный, заросший травой и тиной, водоем излучал резкие и неприятные запахи. В руках принц держал записку Налигуны.

– *Она жива и этот выродок тоже,* – прозвучал в его голове ледяной голос Герша.

– ЧТО?! Это невозможно!

– *Нет ничего невозможного, друг мой! Я чувствую в воздухе их запах, но не знаю, где они находятся. Они укрылись где-то вне пределов моей досягаемости.*

– Проклятье! Это может все испортить.

– *Успокойся! Они не способны что-либо сделать, во всяком случае, теперь. Уже совсем скоро Муфбак падет, и мы станем хозяевами красной планеты!*

Из каменной залы Сапирмут и Налигуна вышли в единственный боковой коридор, который плавно закручивался спиралью и уходил вниз. Совсем скоро они попали в небольшую пещеру. Ее стены состояли уже из грубой каменистой

породы, сквозь которую местами пробивались толстые корни растений и спускались до самого дна, где тихонько журчал небольшой ручеек.

В отличие от каменной залы и бокового коридора пещера ничем не освещалась, а потому трионтам пришлось зажечь факел и закрепить его между двух камней.

Сапирмут присел на корточки и, зачерпнув полные ладони воды, умыл лицо. Прохладный подземный источник приятно охладил его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.